

Александр Бедрянец

ОБРАТНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Книга третья
Повелитель собак

Александр Бедрянец
Обратная случайность. Хроники
обывателя с примесью чертовщины.
Книга третья. Повелитель собак

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11809046

Обратная случайность. Хроники обывателя с примесью чертовщины. Книга третья.

Повелитель собак: Издать Книгу;

Аннотация

Это третья книга о непредсказуемом и загадочном человеке по имени Родион Коновалов. Тем, кто знаком с ним по первым книгам А. Бедрянца, будет интересно прочитать о его отроческих приключениях в стиле Тома Сойера и Гека Финна. И не менее интересно будет окунуться в незабываемую атмосферу добрых «застойных» Шестидесятых, когда все жили бедно, но дружно.

Содержание

Книга третья. Повелитель собак.	4
1.	9
2.	25
3.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Бедрянец

Обратная случайность. Хроники обывателя с примесью чертовщины. Книга третья. Повелитель собак

Книга третья. Повелитель собак.

Родион заезжал к нам нечасто, но регулярно. Как-то незаметно у него образовался круг новых знакомых, и в окрестностях нашего дома он стал известным человеком. Время от времени у него бывали здесь дела, о которых я расскажу позже. Из-за них ему случалось задерживаться у нас на сутки, а то и на трое, чему мы с Дашей были рады. В конце концов, Родиону выделили бывшую Дашину комнату, где он стал держать некоторые свои вещи, в том числе ноутбук, которым в его отсутствие пользовалась Даша. В такие заезды вечерами он и рассказывал свои истории. Сам он не был инициатором, требовалось просить его рассказывать о прошлом, но если было время и настроение, то Родион не ломался и охотно предавался воспоминаниям. А память у него была, дай бог каждому.

Рассказчиком Родион был каким-то неправильным. Он часто уходил от обозначенной линии и развивал боковые темы, потом возвращался назад. Видимо ему хотелось сделать повествование панорамным, а это требовало дополнительного описания персонажей. Из-за этого некоторые его истории перетекали одна в другую и становились похожи на сказки Шахерезады. Однако слушать их было интересно и не скучно. Смешливая Даша часто хохотала. Он смотрел неодобрительно, но замечаний не делал. Родион знал, что я записываю его рассказы на плёнку, но не возражал. Однако, литературная обработка этих записей оказалась трудным делом. Рассказы на бумагу не ложились, попытки как-то подправить делали их хуже, терялся колорит и своеобразие. Нижеизложенная версия воспоминаний Коновалова является слабой тенью живого их исполнения. Некоторые отрывки, в связи с трудностями адаптации, я передавала от третьего лица. Немало трудностей было и в общей систематизации. Хотелось как-то придерживаться хронологии, но сам Родион её не признавал. Он больше ориентировался на сферы проявления обратной случайности и подразделял их примерно так – совпадения, «сигналы», рыбалка и пьянка. Отдельной строкой шла армия, там была смесь всего. Хотя увлечшись, частенько рассказывал просто так о всякой всячине. Рассказы шли порциями, и я решила обозначать их просто цифрами. В этой книге собраны воспоминания Родиона о годах его отрочества в начале шестидесятых, но кое-где имеются вставки из недавнего прошлого.

Своё воздействие на милицию Коновалов почему-то не признавал, относя на счёт всяких суеверий. Отрицал он и ещё некоторые проявления, хотя они и бросались в глаза. Родион был уверен, что не обладает артистическими способностями, но когда возникала нужда, играл вполне убедительно. При внешней мягкости внутренне он был упёртым, и переубедить его в чём-то было почти невозможно.

К некоторым воспоминаниям Родион делал предисловия, в которых его иногда заносило на отвлечённые рассуждения. В такие моменты его менторский тон и самонадеянность были невыносимы. Но когда приступ резонёрства заканчивался, то с лекторского стиля Родион переходил на живую речь обычного разговора.

Слушая его детские воспоминания, я часто испытывала чувство зависти. Кто бы мог подумать, что в те годы в провинции у ребят была такая интересная и насыщенная жизнь.

Она только угадывалась за теми фрагментами и эпизодами, которые излагал рассказчик. На подробностях досужего времяпровождения Родион внимание не заострял, ведь для него в них не было ничего особенного. Но мне было интересно, и кое о чём я его расспрашивала. Сельским подросткам не было скучно. Удивляло количество игр. В ненастную погоду собирались небольшими группами у кого-нибудь дома, и играли в домино, лото, карты, шашки и шахматы. Или шли в Рабочий клуб, где кроме небольшого кинозала имелись игровые комнаты с бильярдом, настольным теннисом, и отдельно для настольных игр. И был телевизор с линзой. Клуб не пустовал. Зимой был хоккей, строительство снежных крепостей и военные игры. Летом открывались широкие возможности для сидячих и подвижных игр на воздухе. Детей было много, и ватаги меньше двух десятков человек собирались редко. На каждом краю имелись свои излюбленные места сбора где-нибудь возле выгона или на пустыре. Днём это были обычные спортивные игры – футбол, волейбол, лапта, городки или велосипедные гонки. Вдобавок были особые сельские подвижные игры, требующие большого количества участников, и о которых я не слыхивала. Например «Красные и белые» и «Бешеный телок». С наступлением сумерек играли в «Испорченный телефон» и «Ручеёк». Взрослые никогда не вмешивались в эти развлечения. Дети сами поддерживали игровые традиции, плавно переходящие от поколения к поколению. По словам Родиона в «Ручеёк» и «Бешеного телка» играли задолго до революции.

А ещё был труд. Почти у всех детей соответственно возрасту имелись домашние хозяйственные обязанности. Белоручки попадались редко, и были они не только в семьях начальников. А главное было в том, что в большинстве своём подростки в летние каникулы работали, причём добровольно. Основным стимулом были даже не деньги, а само пребывание в коллективе. То есть работа одновременно была и развлечением в хорошей компании. Те, кто действительно хотел заработать на велосипед или часы, устраивались индивидуально, например в подпаски. В этих делах закопёрщиком был Родионов приятель Юрка Левашов. Он рассказывал знакомым ребятам о том, как интересно работать на колхозном огороде, особенно поливальщиком. Ему верили и всей гурьбой шли туда работать. Поливать действительно было интересно. Мощный насос по большой трубе качал воду из речки наверх, а там её нужно было распределять. Большими мотыгами нагребались временные плотины, направляя потоки в нужное место, затем разрушались и строились вновь. А в конце этой весёлой суеты наступало время купания в речке. Следующим летом Юрка агитировал эту же компанию на прорубку лесополос. Нужно было только запастись добрым топориком, казённым работать было несподручно. Родион с удовольствием подписывался на эти работы, ведь там было очень весело.

Подобного рода трудовой энтузиазм иногда проявлялся очень забавно. Сын учительницы Клавдии Захаровны Витя подружился с одноклассником Борей по прозвищу Шлынный. Витя был ухоженным домашним мальчиком, для которого заправка кровати являлась самой тяжёлой домашней обязанностью. Шлынный был сыном вдовой колхозницы, и по хозяйству делал всё, даже иногда доил корову. Жили они друг от друга недалеко, и как-то раз Витя пришёл к Боре, но тот оказался занят. Он делал кизяки. Технология этого процесса отработана столетиями. На отгороженном досками небольшом пространстве хоздвора Шлынный босыми ногами месил коровий навоз, подбрасывая туда подстилочную солому для прочности будущего топливного брикета. Затем, с помощью деревянных формочек, из этой массы делались кирпичики. Подсохнув, они укладывались в пирамиды для полного высыхания. В те годы с углём было непросто, и многим приходилось топить печи по старинке. Витя загорелся помочь товарищу, и хотя Боря его отговаривал, мол, нечего зря вымываться, разделся, и включился в процесс. В это время он зачем-то стал нужен Клавдии Захаровне, и она пошла его искать. Борова мать сказала, что ребята на хоздворе. Увидев своего интеллигентного сыночка, с увлечением ковыряющегося в навозе, учительница зашата-

лась, и едва устояла на ногах. Она набросилась на Борю, но тот оправдался, что не принуждал Витю. Последовал домашний арест, но Витин отец его отменил. Он сказал, что любой труд баловством, хулиганством или вредной привычкой не является, и отвёл Витю в авиа-модельный кружок. Однако первый рабочий опыт оставил у Вити сильное впечатление, и когда он вырос и выучился, то стал начальником кирпичного завода.

Но такой бескорыстный энтузиазм бывал нечасто. Обычно для труда имелся некий стимул. На уборке фруктов, овощей или кукурузы платили собираемым продуктом. Мерой оплаты для фруктов, помидор и винограда были вёдра, а для остального мешок. В общем, кто, сколько мог поднять и унести за один раз.

Но были и нематериальные стимулы. Например, возможность покататься. Кататься любили все. На чём угодно, лишь бы оно ехало – велосипед, лошади, волю, поезд, или автомобиль. Во время уборки зерновых и заготовки силоса колхозные шофера пользовались этой страстью к езде и катали ребятшек, выбирая кого покрепче, но взамен те должны были разгрести при погрузке зерно деревянной лопатой, или зелёную массу просто руками.

Родионов дядя Митя был хитрым мужиком. Работал он шофером в колхозе «Первомайский», и при случае брал Родиона в кабину покататься, но за это нужно было выполнять его поручения, порою не очень благовидные. Когда дядя Митя убедился, что племянник уверенно достаёт ногами педали, то в очередную уборку научил его управлять грузовиком ГАЗ – 51. Под руководством дяди Родион за три дня практики освоил искусство вождения машины по полям. Он стал уверенно возить зерно от комбайна на мехток, а дядя Митя в это время отсыпался в условленном месте где-нибудь в лесополосе, а затем отправлялся крутить шашни с колхозной поварихой. Но счастливому Родиону до этого не было дела, и на несколько лет они стали добрыми приятелями.

А ещё была толока. Она организовывалась при строительстве дома, когда в один день нужно было переработать большое количество замешанной с соломой глины – изготовить саман для стен, или обмазать готовые стены и навалить потолок. Это было что-то вроде субботника. Люди жили дружно, и в назначенный день, обычно в воскресенье, человек тридцать соседей и знакомых сходились на «саман» или «мазку». Работа делалась весело с шутками и прибаутками. Вечером хозяева ставили щедрое угощение, которое заканчивалось танцами под баян. У нас это мероприятие называлось «замес». И вполне логично, ведь слово толока означает то же самое. Сам замес делался накануне в субботу, и вот тут мальчишки выходили на первый план. Глину с соломой месили лошадьми, которыми нужно было править, и мальчишки подходили для этого лучше всего по причине малого веса. Лошади ведь тоже устают. Для езды верхом охлюпкой, то есть без седла, нужна определённая сноровка, но у ребят она имелась. На самом деле гонять лошадь по кругу в вязкой глине занятие нудное, однако главное удовольствие было впереди. По окончании работы на заляпанных и усталых лошадях шагом ехали за станицу на речку, где их купали, и купались сами. Затем, тщательно согнав с коней воду, их «прогревали», то есть устраивали скачки до конюшни. Рабочие лошади, бегавшие только кентером, неважные скакуны, но мальчиков в этом качестве они устраивали.

Уже тогда Родион отметил благотворное влияние красной глины на человека. Женщины мазали глину прямо руками, а после этого кожа на них очищалась и молодела на глазах. Вообще глина, как материал, и изделия из неё биологически совместимы с организмом человека. Дом из самана не только экологичен, но и весьма практичен. При относительной дешевизне зимой в нём хорошо сохраняется тепло, а летом прохлады.

Но самым увлекательным было ежегодное пребывание в школьной производственной бригаде, которую жители для краткости называли пионерлагерем. В сущности, от стандартного пионерского лагеря школьная бригада отличалась пребыванием старшеклассников комсомольцев и четырьмя часами работы на колхозных полях, огородах и виноградниках. Сам лагерь располагался километрах в двух от станицы на живописном берегу речки Камчи

вдоль красивой тополиной аллеи. В определённом смысле лагерь был подразделением колхоза «Первомайский», так как школьники трудились на его землях. Колхоз предоставлял материальную базу, гужевой транспорт, лошадей, и снабжал продовольствием. И даже платили зарплату, в основном, правда, символическую. Бывало, что пионеры за сезон получали по двадцать копеек, но никого это не волновало. Все знали, что лагерь не Клондайк, но ехали на трудовую четверть с удовольствием. Это был тот редкостный случай, когда навязанное сверху мероприятие было ребятам по душе.

Ещё бы! Романтика палаточной жизни на природе вдали от родительского дома. Новая свобода от смены обстановки. Весёлая атмосфера коллективного труда и быта захватывала даже лодырей. Работа на свежем воздухе только разжигала здоровый аппетит, а кормили как на убой. Колхоз был не бедный, и продуктов не жалел. Блюда готовились простые, но разнообразные и питательные. Свежий мёд присутствовал на столе ежедневно. Ребята росли и здоровели на глазах. Не подавали только фрукты, потому что в десяти метрах от палаток находился сад, в котором было разрешено рвать любые фрукты, в любое время, и в любых количествах. Сады в ту пору ядохимикатами не обрабатывались, и плоды были экологически чистыми. Массовых нашествий вредителей не было, а с обычными червячками и гусеницами управлялись воробьи, скворцы, кукушки и всякие другие птички.

После обеда был «тихий час», а потом начинались развлечения по вкусу – футбол, рыбалка, шахматы, олимпиады, викторины и купание в речке. На берегу Камчи был оборудован песчаный пляж с деревянной вышкой для прыжков в воду. В общем, кто во что горазд. И через день кино, и через день танцы. На выходные готовились концерты самодеятельности. Также два или три раза за лето выездные бригады ростовских театров, чаще всего ТЮЗа, играли настоящие спектакли. Для этой цели за штабным вагончиком была сколочена вполне приличная сцена. Вечерами играли в огромный «ручеек», и всегда находилось время для весёлых розыгрышей и шуток.

Распорядок дня был обычным для пионерского лагеря, и слегка напоминал армейский. Линейка, поднятие флага, распределение на работы, наряды и вечерняя поверка. Назначались ночные караулы из двух мальчиков и двух девочек постарше, сменяющихся через два часа. Штабной вагончик разделял ряд палаток на мужскую и женскую часть. Мальчики патрулировали свою половину, девочки свою, но это не мешало им присесть где-нибудь под грибком, и поболтать о том, о сём. Нарушения карались нарядами вне очереди. Штрафник должен был в свободное время прополоть рядок винограда длиной метров триста. Два наряда – два рядка. Самым тяжёлым наказанием было изгнание из лагеря, но ребята знали меру, и при Родионе такого не случилось.

И были первые чувства. В неформальной обстановке люди открываются с непривычной стороны. Вдруг оказывалось, что троечник Коля хорошо играет на гитаре и знает много весёлых историй. А неприметная Галя, сменив коричневый школьный фартук на лёгкую белую блузку, преображалась в интересную девушку, на которую лавиной обрушивалось юношеское внимание.

Блатных должностей не было. Бригадами и звеньевыми были учителя и студенты пединститута на практике. Единственным человеком со стороны была колхозная повариха. Всё остальное ребята делали сами. Смены были разной длительности. Для пятиклассников одна неделя. Далее по нарастающей до месяца. Этот месяц старшеклассники, практикуясь в вождении техники, работали на тракторе и комбайне. По окончании школы они получали права тракториста третьего класса.

Поражённая столь насыщенной жизнью, я спросила Родиона:

– При такой занятости тебе, должно быть, и в гору глянуть некогда было? Просто помечтать, разглядывая облака в небе и букашек в траве.

– Ничего подобного! Иногда нам нравилось просто любоваться природой, хотя мы и не знали слова эстетика. Время от времени ребята устраивали походы по району. В этом деле была одна тонкость. Если поход имел практическую цель, например, просто нарвать в посадке жердел, то мы ехали на велосипедах, или на каком-нибудь другом транспорте. А созерцать природу всегда шли пешком. Поводы были, но какие-то непрактичные – пододрать сорочьих яичек, или попробовать необыкновенно вкусной воды из далёкого степного колодца.

Однажды весной мы отправились за воронцами. Нас было четыре мальчика и три девочки. Идти нужно было километра четыре за лиман, где степь была ещё непаханой, и где ещё можно было увидеть ковыли. Когда мы пришли на место, то открывшийся пейзаж поразил нас так, что на несколько минут все застыли изваяниями. Перед нами до самого горизонта раскинулось тёмнокрасное море из цветущих степных пионов. Это великолепие действительно было похоже на море, потому что восточный порывистый ветерок прямо на нас гнал настоящие, лениво перекатывающиеся красные волны. И так же волнами наплывал густой как кисель одуряющий запах. Обратно шли в молчании. Ни у кого не было слов выразить впечатление. Такие вещи трудно описывать, но они запоминаются навсегда. У кого-то при слове «родина» возникает образ белой берёзки, рябины или черёмухи, а у меня перед глазами встаёт это необыкновенное море цветов.

1.

О животных можно говорить часами, тема эта неисчерпаемая. Да, не спору, у меня получалось управляться с ними с детства. Возможно потому, что никогда их не боялся. Я ведь рос среди них. Первое, это кони. В нашем колхозе «Первомайском» была добрая конюшня с племенными жеребцами. Я стал бывать там лет с семи, если не раньше. Со временем научился ухаживать за лошадьми, а также немного шорничать и разбираться в конских болячках. Расскажу один случай про рысака по кличке Павлин. Верхов он был необучен, а только возил бригадира в бедарке. Машин в колхозе было мало, полуторка да штуки три ЗИС-5. Это потом массово ГАЗ – 51 с фанерными дверцами пошли, а тогда, в конце пятидесятых, всё больше кони и волю, или по-нашему быки. Цоб – Цабе их погоняли, и профессия была – воловик. Так этот Павлин однажды зашиб сустав, а для лошади это практически дорога на колбасы. Невероятно красивого коня было жалко до слёз, и мы с Витькой Лихачевым стали уговаривать конюхов попробовать вылечить Павлина. Конюхам самим было его жаль, и Павлин получил отсрочку на лечение. Ветеринар Алексей Иванович оптимизма не проявлял, но приступил к лечению по всем правилам. Заметив наш энтузиазм, он приставил нас к делу и научил промывать, мазать мазью и бинтовать рану, оставив за собой общее наблюдение. Мы ухаживали за конём как за малым дитём каждый день. Помимо обычного лошадиного пайка, мы таскали ему в денник свежей вкусной травки, угощали сахаром и подкармливали хлебом. Конь понимал, что его лечат. Во время процедур он вздрагивал от боли, перебирал задними ногами, но больную переднюю не убирал, терпел. И через месяц выздоровел! За это время Павлин здорово к нам привязался, и стал нам многое позволять. Когда он перестал хромать, то во время прогулок по двору мы катались у него на спине вообще без уздечки, командуя повороты шлепками ладони по правой или левой стороне конской шеи. Когда старший конюх Ермилов увидел это впервые, у него отвисла челюсть, ведь конь был необъезженным. Таким он и остался, просто мы с Витей были исключением из правил. Конюхи были рады возвращению Павлина в строй, но некоторое время бурчали на нас, потому что первое время конь давал запрягать себя лишь в том случае, если кто-то из нас стоял рядом. Правление наградило нас скромной денежной премией, от которой, в порыве благородства мы хотели отказаться, мол, не из-за денег старались, но зам председателя сурово нас отчитал, и вручил по десять рублей. Для нас это были немалые деньги.

Любой человек имевший дело с лошадьми знает, что каждая из них имеет свой характер. Более того, среди них иногда встречаются такие индивидуальности, что ахнешь. В те годы на конюшне была кобыла по имени Курба. Но это канцелярский вариант клички. В обиходе все звали её через «в» вместо «б». Кличка была вполне заслуженной, потому что эта лошадь обладала на редкость подлым характером. Человечески подлым. В запасе у неё было много всяких мерзких штучек. Могла исподтишка укусить кого-нибудь сзади, а потом, отвернув голову, сделать вид, что это не она. Могла ударить головой. Голова у лошади большая, и после такого удара редко кто мог устоять на ногах. Не одни жирафы дерутся головами, некоторые лошади тоже это умеют. Во всяком случае, Курба умела. И ещё многое в таком роде. Кличку она заработала почти с жеребячьего возраста. Шла очередная перепись лошадей, проводимая зоотехником и конторским работником Арсеньевичем. Зоотехник осматривал лошадей, и делал заключения. Арсеньевич заносил данные в большую конторскую книгу – кличку, возраст, пол, масть и прочее. Когда он услышал кличку молоденькой кобылы, то обрушился на конюхов:

– Вы тут совсем с глузда соскочили! Матерным словом лошадь назвать! Как его в книге писать? Надо её по-другому назвать, по правилам. Как звали её родителей?

Ермилов сказал:

– Она уже к этому привыкла, другое слово понимать не будет.

В этот момент Курба извернулась, вытянула свою длинную шею и цапнула Арсеньевича за ягодицу. Он подпрыгнул, и выдал порцию очень крепких выражений. Взгляды Арсеньевича на правила создания лошадиных кличек резко изменились. Он сказал, что имя кобыле дали совершенно правильное, и записал его в свой кондуит, заменив для приличия «в» на «б».

Внешне Курба выглядела на все сто. Тонконогая, по лошадиному изящная, она выделялась гордой посадкой головы и чисто белой, без единого тёмного пятнышка, мастью. Она была самой красивой лошадкой в колхозе, а возможно, и в районе. Самое поразительное, что она об этом знала, а потому выпендривалась и капризничала похлеще любого ишака. В пароконную «линейку» она запрягалась охотно. В паре с ней ходил спокойный, относительно белый мерин. А вот в фургон или возилку запрячь её, было невозможно. Презирала. Возила только пассажиров. Фургоном у нас называли грузовую повозку, представляющую собой большой ящик на колёсах. Правильное название «ход». Обожала свадьбы, ведь за красоту её всегда брали катать молодожёнов. В этих случаях она вела себя идеально. Мало того! Если она замечала внимание к себе зрителей, то начинала хвастать и красоваться. Вздёргивала голову или приподнимала переднюю ногу в картинной позе, как настоящая фотомоделё. Она часто присутствует на свадебных фотографиях того времени. В это невозможно поверить, но Курба была кокеткой. Когда её наряжали к свадьбе, то она наклоняла голову, чтобы удобнее было вплетать в гриву ленты. А после свадьбы не давала их снять. Любила подковываться, и кузнецу никогда не делала гадостей, ведь он делал ей педикюр. Чистотница была. Любила купаться, и на речку бежала без понукания. А вот загнать её в обычную лужу было невозможно, не говоря про замес. Что ты! Будет она пачкать свои беленькие копыта! И ведь приучила всех к своему норову.

Однажды конюх дядя Лёня заподозрил, что я специально науськиваю Курбу кусаться. Я удивился:

– Да вы чего, дядя Лёня? Зачем ей ещё и подсказывать? Она и сама всё хорошо знает.

– А почему она тебя не кусает? Я заметил, когда ты с ней рядом стоишь, так она даже морду отворачивает.

– Правильно! Я её отучил меня кусать.

– Как?

– Да очень просто. Набрал толчёного перца в одну руку, в другую зеркальце взял. Подошел к ней, повернулся спиной, а сам в зеркало наблюдаю. Вот она протянула ко мне морду, и зубы оскалила, а я резко поворачиваюсь, и перцу ей в пасть! Эх, она и взвилась! Заскакала на месте как козёл, а потом минут двадцать от корыта с водой не отходила. С той поры, как бабка отшептала кусаться. Память у неё хорошая. Теперь она меня опасается. Вы дядя Лёня тоже так сделайте, и Курба станет шёлковой.

Дяде Лёне идея понравилась, и он решил в тот же день проучить кобылу этим способом. Сходил домой за перцем, затем привязал Курбу длинным недоуздом к коновязи, и став к ней спиной, начал готовиться. Насыпал на ладонь перца и полез в карман за зеркалом, но Курба учуяла опасный перечный запах и встревожилась. Она стала нервно переступать ногами, и, развернувшись на месте, крупом ударила дядю Лёню по спине. Он потерял равновесие и упал на колени. От удара рука его дёрнулась, и весь перец попал ему в лицо. Умываясь, он молчал, но после этого разразился отборной бранью, и почему-то в мой адрес. И вот так всегда. Можно подумать, что я виноват в его нерасторопности. Впрочем, людям свойственно винить в своих промахах посторонних.

Однажды на конюшню заглянул Ермилов кум Петренко. Он был слегка под мухой, а потому в лирическом настроении. В это время Курбу запрягали в линейку, и Петренко захотелось угостить красивую лошадь чем-нибудь вкусеньким. Конюхи стали его просить

не приближаться к дурной кобыле, но он их не послушал, считая себя знатоком животных. Из вкусенького у него был только малосольный огурец, и он протянул его лошади. Курба, было, попятилась от чужого человека, потом принялась, вытянула шею и пошевелила губой по огурцу. Затем раскрыла пасть и вместе с огурцом откусила Петренке указательный палец... Он заверещал, кобыла тоже испугалась, но было уже поздно. Зубы у лошади большие, а челюсти как гильотина. Один раз клацнули, и пальца как не бывало, только трензеля звякнули. Однако на этот раз все дружно встали на сторону лошади. При всех своих недостатках, Курба хищницей не была, и мясом не питалась. Было ясно, что палец она откусила случайно, не заметив его под огурцом. А дядя Лёня по случаю заметил, что тем, кто не наливает, а только закуску тычет, нужно вообще руки отшибать. Через несколько лет, когда эта история подзабылась, Петренко стал врать людям, что потерял палец на войне.

Когда я подрост и попал в летнюю школьную бригаду, то естественным образом меня назначили ездовым. Так называлась должность, совмещавшая функции возчика и конюха. Кого ж ещё? Ребят с необходимым опытом было немного. В моём распоряжении оказалась пара коней, плюс фургон и водовозная бричка, оборудованная сорокаведёрной бочкой. Кони восторга не вызывали, потому что они выглядели клячами. Назвать как-то иначе этих костлявых, уныло свесивших голову одров не поворачивался язык. Внешний вид коней вызывал беспокойство и у начальницы потока Валентины Борисовны. Судя по всему, ей не хотелось иметь неприятности из-за околевшего животного. Беспокойство было вполне оправданным, и поэтому первым делом она приказала мне ездить только шагом. Я сказал, что иначе ездить на них просто невозможно, потому что эти лошади способны только на два аллюра – шаг, и медленный шаг. Но она не приняла моего тона, и пригрозила: – «Не дай бог увижу, что лошадей гоняешь». К этой угрозе я отнёсся серьёзно, потому что Валентина Борисовна слов на ветер не бросала.

Она была феерической женщиной. Своим зычным голосом, широкой костью, мощной фигурой и отчасти даже лицом она походила на всем известную актрису Наталью Крачковскую в зрелом возрасте. Имела характер армейского строевого майора, а потому в рабочее время лицо её хранило суровое выражение. Но улыбка делала Валентину Борисовну очень даже миловидной. При всём этом она обладала невероятной для женщины физической силой, о которой ходили легенды. Этим легендам я верю, так как сам был свидетелем одного такого случая. В те времена магазинов было немного, и с покупателями не церемонились. На селе обычным делом был приём товара днём через вход. В таких случаях людей выпроваживали на улицу, где они томились, пережидая этот процесс. Однажды я попал в такую ситуацию. Стою возле продмага в кучке людей, и наблюдаю за двумя грузчиками, снующими от машины к магазину. Пока они носили разные коробки, дело шло быстро, но когда дошла очередь до мешков с мукой, которые по тогдашним стандартам были по восемьдесят килограмм, застопорилось. Мужички, взявшись вдвоём за мешок, с трудом преодолевали ступеньки, и неуклюже толклись в узком проходе. Среди ожидающих покупателей была и Валентина Борисовна. В конце концов, нервы у неё не выдержали. Она громко сказала: – «Эх вы, мужики», решительно подошла к грузчикам, выхватила у них мешок и вскинула его себе на плечо так легко, как будто он был набит соломой. Затем без всякого напряжения занесла его в магазин мимо ошарашенной продавщицы. С тех пор её там обслуживали без очереди.

Вначале она чего-то преподавала, но потом, оценив характер и способности, её поставили начальницей интерната. Средняя школа в районе была одна, и хуторские дети с пятого класса жили в интернате при школе. У неё все ходили по струнке, и порядок в интернате был образцовым. За глаза дети звали её Мамочкой, но слово это произносилось с почтением, и некоторым страхом. Больше всех её боялись здоровые накачанные старшеклассники. Было несколько случаев, когда особо проштрафившихся она заводила в свой кабинет и воспитывала отработанным мужским ударом в челюсть, от которого любой детина улетал в дальний

угол с приземлением. Ребята не жаловались, потому что получали за дело, и к тому же было стыдно рассказывать, что получали от женщины. На самом деле Валентина Борисовна не занималась систематическими избиениями, это была крайняя мера в редких случаях, но сама вероятность такого наказания держала в узде хулиганов и всякого рода нарушителей. Вполне естественно, что её, единственную из женщин преподавателей, ставили начальницей потока в летней бригаде наравне с мужчинами учителями. С юной ордой она управлялась весьма успешно.

Зная всё это, я первое время её побаивался, и старался ни в чём ей не перечить, но потом мы подружились.

Присмотревшись к лошадям, я понял, что они вовсе не старые клячи, а просто занехаянные плохим уходом. Видимо предыдущие ездовые не умели, или не хотели о них заботиться. Кони просто-напросто недоедали. Я подошёл к делу рьяно. Первым делом откормил, для чего не гнушался воровством фуража на близлежащих фермах. На ночь стал выпускать их пастись на берег речки, и вообще, где захотят. Вычесал, выкупал, залечил потёртости и болячки, а также починил и подогнал по размеру сбрую. Ведь она должна быть удобной, как и одежда для человека. И с самого начала выдрессировал коней ходить известными маршрутами по моей голосовой команде. Куда скажу, туда и бегут, причём сами знают, где можно рысью, а где и притормозить. Кони в пространстве ориентируются очень хорошо, и легко обучаются правилам движения. Повариха обратила внимание на то, как я по утрам запрягаю коней, и рассказала об этом учителям, мол, почти как в цирке. Кое-кто специально приходил на это смотреть.

Вставать надо было рано, часа в четыре утра, чтобы успеть завезти из колхозной кладовой продуктов на день ещё до завтрака. Я подавал сигнал особым свистом, кони отвечали ржанием и быстро прибегали на место. Сами становились к фургону и наклоняли голову для одевания хомута. Запрягши, я командовал: – «В кладовую», издавал специальный поцелуйный звук, и кони трогались в нужную сторону. На самом деле ничего диковинного тут не было. Просто кони знали, что в конце маршрута их ждёт что-нибудь вкусненькое, вот и старались. Без кнута в этом деле нельзя, но я им не злоупотреблял, и кони это ценили.

Отъехав подальше от лагеря, я привязывал к специальному колышку вожжи, и валился на сено в фургоне досыпать. Поскольку за бортами меня было не видно, то со стороны зрелище было странным – кони идут сами по себе, без управления человеком. По сути, так оно и было. Кладовщица тётя Шура, известная своим крутым нравом и смачными выражениями, однажды это и увидела. Встретив конюха дядю Лёню, она ему рассказала:

– Подхожу до кладовой, смотрю, кони сами заходят во двор, где нужно разворачиваются, сдают задом, становятся точно против подвала и ждут. Подхожу ближе, глядь, а Родька Коновалов в фургоне спит, аж бульбы отскакивают. Разбудила, спрашиваю, а он говорит, что натренировал, мол, кони попались хорошие, понятливые и дисциплинированные.

Дядя Лёня обозлился:

– Знаем мы этого дрессировщика! Только баловство всё это. Нам ведь рабочие, а не цирковые лошади требуются.

Однако после этого тётя Шура стала меня привечать, закармливать мёдом, да и всем, что ни попросишь. Пользуясь, случаем, при её посредстве я разжился в кладовой у Семёновича новыми вожжами, постромками и кожаными ремнями для всякой надобности, в первую очередь для починки сбруи.

Мои старания принесли результаты. Шерсть на животных залоснилась, вследствие чего слегка потемнела, а это признак хорошего здоровья. Апатия прошла, кони стали проявлять характер, и бегать задравши голову. Бывшие клячи поправились, и недели через две их стало не узнать. Их и не узнали. В один из дней как всегда после обеда я поехал на фургоне

в станицу за хлебом. Я сразу пустил коней размашистой рысью, но Валентина Борисовна, увидев бегущих лошадей, выскочила на дорогу и остановила меня криками и бранью:

– С ума сошёл? Зачем коней гоняешь? Тебе ведь сказано было!

– Валентина Борисовна, да всё нормально! Вы только посмотрите на них – это ж совсем другие кони!

Я имел в виду преобразование кляч в нормальных лошадей, но она поняла меня в буквальном смысле. Подошла ближе и стала рассматривать коней. Гнедой забеспокоился, всхрапнул и переступил ногами. Я сказал:

– Валентина Борисовна, осторожнее, а то ещё задки даст!

Такая возможность убедила её, что это действительно другие кони, и она отошла в сторонку, а затем, прищурившись, сказала мне:

– Как ты сумел их обменять? Я у председателя не один раз просила, а он ни в какую.

Такого эффекта от своих слов я не ожидал, но вовремя прикусил язык, и не стал выводить её из заблуждения:

– Валентина Борисовна, с конями было проще. У меня в колхозе знакомства есть, и через них я новые вожжи достал, а это было потруднее. Вот, полюбуйте. А председателю об этих мелочах и знать не надо. В конце концов, я ж ничего не украл. Можете у кладовщика спросить.

Она странно на меня посмотрела и отпустила. А после рейса вызвала в штаб, и сказала:

– Учти, если твоя махинация вскроется, и тех коней приведут назад, то я с тебя шкуру спущу.

Я заверил её, что всё в порядке, и тех коней она уже больше не увидит. Несколько дней она нервничала, но ничего не происходило, и Валентина Борисовна успокоилась. За тот сезон я получил огромную для школьника зарплату – двадцать пять рублей, но у Валентины Борисовны заработал репутацию махинатора. Ну, и в завершении темы, маленькая байка про Валентину Борисовну. Мне её рассказали ребята через несколько лет после школы. Кому-то она покажется фантастикой, но я в неё верю. Было это где-то в конце шестидесятых, когда появились первые «Запорожцы».

Вот на таком «жуке» один ростовчанин приехал в станицу до кого-то в гости. Едет он по улице, а дорогу не спеша переходит Валентина Борисовна с хозяйственной сумкой в руке. Мужик притормозил, пропуская её, а мотор на малых оборотах заглох. Ему бы завести машину, да и ехать себе дальше, так нет. Высунулся в боковое окно, и оскорбительно высказался в адрес сельских женщин, медленно, по его мнению, шевелящих кормой. Ни слова не говоря, Валентина Борисовна поставила сумку на дорогу, подошла сбоку к «Запорожцу», нагнулась, ухватила снизу за машину, напряглась, и мощным рывком перевернула её на крышу вверх колёсами. Пока ошалелый водитель выбирался из кабины, она взяла сумку и ушла. Побегав вокруг машины, мужик кинулся в милицию писать заявление на неизвестную хулиганку, опрокинувшую автомобиль. Милиционеров тоже надо понять, не каждый день такие заявления. Первым делом они проверили его на алкоголь. Убедившись, что мужик трезвый, ему стали задавать всякие ехидные вопросы, намекая на встречу с инопланетянкой. В конце концов, дежурный вызвал гаишников. Те выехали на место и оформили протокол о ДТП, после чего выписали мужику штраф. На его возмущение инспектор сказал, что более идиотского объяснения причины ДТП он не слышал, и если водитель будет настаивать на своём, то рискует попасть в психушку. В тот же день этот мужик спешно покинул станицу, сказав, что ноги его больше не будет в этом сумасшедшем месте. Я думаю, что Валентина Борисовна на всю оставшуюся жизнь внушила ему уважение к пешеходам.

Ручная ворона? Ну, это сильно сказано. Ворона по имени Верка была, но не ручная, а обычная дикая. Я с ней просто дружил. Дрессировать её было не нужно, сама была сообразительная. Ей нужно было только показать, что от неё требуется, а остальное она делала

сама. Давно известно, что некоторые вороны любят играть просто так, из интереса, а это признак высокого животного интеллекта. Верка была выдающейся птицей.

Я её никогда не пытался в руки взять, и она это ценила. Не боялась, бывало, рядышком сидела, но как равная, не хотела игрушкой ручной быть. Птицы вообще мало склонны к тактильному контакту, в отличие от зверей. Тех большинство можно приручить, даже диких. Ребята кого только не пробовали. У одного был ручной ёжик, у другого хорёк. Бегали за хозяином как собачки. У кого-то был учёный заяц. Я на такую экзотику был не падкий. А вот ручные птицы встречаются гораздо реже. Хотя, если задаться целью, то можно приручить хоть дикую, хоть домашнюю птицу. Ведь приручают же орлов и соколов. Домашняя птица вовсе не ручная. Попробуй взять в руки обычную утку или курицу. Можно только хитростью или силой, изрядно при этом побегав. Ручное животное не боится руки человека, а часто даже любит её. И птицы здесь особняком. Но иногда случается.

Когда я работал на винзаводе, в ту пору там работал Пётр Холодков, у которого дома жил ручной селезень. Обычный домашний белый утак. Ручным его сделала страсть к выпивке. Да, что там говорить, он был конченный алкаш! Сам Петро в этом плане был человек воздержанный. Вопреки сложившемуся мнению, на подобных производствах работают люди трезвого образа жизни. Естественный отбор, потому что любители неумеренной выпивки, и, тем более пьяницы, очень быстро отсеиваются. Но у Петра были приятели, любившие собраться у него в выходной, поиграть в домино, и всё такое. Петро не был жлобом, и бутылочку, другую винца для беседы не жалел. Располагались в садочке за маленьким столиком, а селезень крутился неподалёку, подбирая всякий мусор, вроде шелухи от семечек. Он любил семечки, и порой ему их кидали. И как-то раз один из приятелей шутки ради налил в блюдце вина и предложил назойливому селезню. Тот с удовольствием выпил и показал зрелище. Пьяная птица вела себя почти как пьяный человек. Мужики ухохатывались, глядя на то, как, качаясь и падая, селезень гонялся за утками, а потом затеял драку с петухом, после которой вырубился и заснул на земле, широко раскинув крылья. Селезень получил кличку Лёня, по имени впервые налившего ему вина мужика. После этого случая Лёня утратил всякий страх перед людьми, стал наглым как танк, и старался не упустить случай выпить. Зорко следил, и как только собирались трое или больше мужчин, он был тут как тут. Путался в ногах, щипал за брюки, и издавал характерные звуки. Когда ему наливали, то выпив, он своей головой на гибкой шее лазал по карманам сидящих за столиком в поисках семечек на закуску. Самому Петру всё это не нравилось, и однажды он запретил наливать Лёне, мол, нечего портить птицу. Но этот запрет способствовал превращению селезня из любителя в хронического алкоголика.

Загрустивший Лёня однажды исчез, а к вечеру явился домой крепко поддатый. Метрах в трёхстах находился райповский продмаг, и пронырливая птица, влекомая пагубной страстью, нашла туда дорогу. Как водится, за магазином, среди пустых ящиков часто распивали, и необычный селезень вскоре стал своим в доску для местных булдырей. Там у него была своя консервная банка, а много ли птице надо? Ложку, другую не жалко. Закусывал тем же, что и все – помидором, конфетой или объедками сушёной рыбы. Болел с похмелья как человек – трясся и испытывал жажду. И ведь как выучился просить! Начнут разливать, а он свою банку притащит и стучит по ней клювом. Бывало, говорят:

– Налей Лёне, смотри, как его колотун бьёт с похмелья.

Вскоре его уже знала вся улица, и если говорили: – «Смотри, опять Лёня на бровях домой ползёт», то все понимали о ком идёт речь. Зрелище, и в самом деле, было тяжёлым. Как и со всяким, ведущим подобный образ жизни, с ним происходили разные неприятности – то под велосипед попадёт, то лапу отдавят. Пару раз попадал под машины, но чудом оставался живой, проскакивая между колёс. Давно известно, что пьяным везёт. Нормальную трезвую утку задавило бы наверняка. Приличный внешний вид он утратил – неухоженные

грязные перья торчком, хромает, крыло волочится. Типичный ханурик. Идёт, идёт – упадёт. Полежит под забором и дальше ковыляет. Жена Петра увидит его, стыдить начинает, а он, услышав родной голос, падает и вырубается. Она берёт его за лапу или крыло, и брезгливо как тряпку полуживого забрасывает в угол двора. Сам по себе Лёня пищевой ценности уже не представлял, и его не резали, предоставив судьбе. Как и положено алкоголику, он умер от цирроза печени, что диагностировал ветврач. Петро из любопытства свозил его на вскрытие. Лёнина печень была как камешек.

Нет, Верка была не из таких. На дружбу навязалась сама. Мне тогда ещё лет десять было. Как-то раз сидел я в палисаднике и играл с Бурком. Кидал ему мелко нарезанные кусочки сала или сырого мяса, а он ловил их в воздухе. Иногда промахивался, ведь я ему трудности создавал. Он знал, что это игра, а не кормление. За этой игрой ворона сперва наблюдала с дерева, а затем перелетела ближе и села на забор. Поскольку её не гнали, она осмелела, и стала подбирать с земли кусочки, которые не смог поймать Бурко. Вначале он агрессивно отнёсся к конкуренту, но я его успокоил, решив, что с вороной игра ещё интереснее. Ворона тоже поняла, что это игра, и она в неё принята. В общем, правила игры изучили все, и мы частенько так развлекались. Кобель постепенно к вороне привык, а потом они подружились, да так, что он стал подпускать её к миске. Баба Фрося не бурчала, но смотрела неодобрительно. А после одного случая наши отношения перешли на новый уровень. К тому времени я окрестил птицу Веркой, и она каркала в ответ на это имя. Как-то утром она прилетела, села на забор, каркнула и взлетела. Сделала небольшой круг, снова села, каркнула и опять взлетела. Вид встревоженный. Трудно было не догадаться, что у неё какая-то беда. И только я за калитку, она давай летать туда-сюда, направление показывать. По нему я и отправился. Метрах в двухстах по границе огородов росли большие акации, а на них были вороньи гнёзда. Гляжу, на дерево лезет мелкий хулиган с целью бессмысленного разорения гнёзд. Пара ворон с карканьем встревожено кружила над деревом. Я согнал пацана оттуда, и дал ему подзатыльник. Верка успокоилась, и прилетев в тот же день, бросила к моим ногам цветной осколок стекла. Я понял, что это благодарность, и взял в руки этот осколок. Ворона обрадовалась, и давай таскать мне под окно всякую блестящую мелочёвку. В основном хлам – камешки, стёклышки, проволоочки, но попадались и монеты. За деньги и прочие ценные вещи я стал премировать её вкусными кусочками, и она быстро освоила систему человеческих ценностей. Хлам таскать перестала, а деньги, ключи обычные и гаечные, ложечки, серёжки и прочее шли регулярно. Подозреваю, что иногда она приносила не только найденное, но и украденное. Во всяком случае, один раз мне пришлось со скандалом отдать соседскому мужику наручные часы, которые Верка стащила у него из под носа, когда он мылся в летнем душе.

Со временем она стала сопровождать меня в школу и на рыбалку. Туда с особым удовольствием, ведь я кормил её мелкой рыбёшкой. Почему-то любила кататься на велосипеде. Если Верка была поблизости, а я седлал велосипед, то она садилась на багажник, балансировала на нём, и видимо получала от езды удовольствие. Неудивительно, что соседи считали ворону ручной, и увидев её на велосипеде, говорили:

– Смотри, опять Родька свою добытчицу катает.

Случалось забавное. Сестре Нинке тоже хотелось покататься, и однажды она согнала Верку с багажника. Ворона поднялась в воздух, раздражённо каркнула, и тут же нагадила Нинке на голову. Та в слёзы, и побежала жаловаться матери на Верку. Но это мелочи, бывали случаи поинтересней.

Дело было весной, когда я заканчивал пятый класс. Верка уже прилетела из Франции или Германии, в общем, оттуда, где она зимовала. Вороны на самом деле перелётные птицы, только маршруты у них короче. На большой перемене старшеклассник Петя Ерёмин отвёл меня за школьное здание подальше от суеты с целью расспросить об одном деле. Сидевшая

на дереве Верка заметила нас и стала громко каркать. Возможно, приветствовала меня, а возможно ей не понравился мой спутник. Петя в раздражении схватил камень, и запустил им в птицу. Кидал он метко, и чуть не попал. Верка подпрыгнула и перелетела подальше, откуда каркнула уже возмущённо. Я сказал Пете:

- Напрасно ты кидаешься по Верке. Она злопамятная.
- Так это твоя учёная ворона? А что она мне может сделать?
- Откуда я знаю? Может и ничего. А может мстить начнёт. Ты теперь для неё враг.
- Тоже мне, мстительница! Переживём.

Но всё оказалось не так просто. Верка объявила войну Ерёме, и посвятила ей своё свободное время. В тот же день, когда Петро возвращался домой, она спикировала на него, и ловко какнула ему на голову. Это только на первый взгляд вороны летают неуклюже, а на самом деле глазомер у них дай бог всякому. На следующий день всё повторилось, а вскоре друзья заметили, что Петя стал рассеянным, и всё время шарит глазами вверх и по сторонам. Верка, сидя в засаде, выслеживала его каждый день, и если подворачивался удобный момент, то нападала отработанным приёмом, оглашая окрестности радостным карканьем в случае попадания. После того как птичий помёт испортил белую рубашку, Петя осатанел, и, вспомнив детство, изготовил добрый пращ, то есть рогатку. Верке было известно это грозное оружие. Она оценила противника, и стала более осторожной, а потом и вовсе сменила тактику. Она стала делать налёты тогда, когда у Пети были заняты обе руки. А заняты они были только в одном случае, когда он нёс портфель Зины, провожая её после школы домой. Петя с ней дружил с восьмого класса. Парень он был серьёзный, и в отношении Зины имел серьёзные и далеко идущие планы. А хитрая Верка, уловив момент, стала атаковать не Петю, а его спутницу. Первое пятно на кофте Зина восприняла как неприятную случайность, но после того как Петя, разгадавший подлый Веркин приём, предложил в ясный день своей подруге зонтик, она призадумалась. Эти события не остались незамеченными, и над Петей стали подшучивать приятели. А когда одна подружка в сердцах обозвала Зину ходячим вороньим туалетом, то она разорвала с Петей отношения. Как всегда виноватым оказался я. Рассвирепевший Петя нашел меня, схватил за шиворот и отволокло за угол школы. Крепко выругавшись, он сказал:

– Родька, твоя ворона довела меня до крайности! Сделай с ней что-нибудь, иначе возьму у дядьки мелкашку, выслежу, и всё равно убью её!

- Так она тебе и подставилась! Да и зачем её убивать? Ты лучше с ней помирись.
- Как?

– Да очень просто. После уроков на видном месте вон хотя бы под тем деревом положи два-три кусочка сала, чтобы она это видела, крикни имя Верка и уходи. Я из фойе в окно буду смотреть. Если она склюёт твоё сало, значит всё в порядке, мир подписан.

На следующий день Петро так и сделал. Верка съела угощение, и прекратила войну. Убедившись, что его больше не преследуют, Петя подошёл к Зине, и сообщил, что помирился с вороной, и больше неприятностей не будет. Но Зина оказалась гордой девушкой, и ответила, что если он с ней помирился, то пусть теперь на ней и женится. Роман закончился. Через много лет мы однажды разговорились на эту тему, и он сказал:

– Вот кто бы мог подумать, что какая-то ворона может испортить жизнь! Ведь если бы не она, то я женился бы на Зине обязательно.

– Да не любила тебя Зинка. Настоящей любви вороны не мешают. Между прочим, ты должен Верку ещё и благодарить.

- За что?
- У тебя хороший слух?
- Хороший. А причём здесь слух?

– При всём. Если бы не Верка, то у тебя был бы немалый шанс стать глухим. Должно быть, ты ещё не знаешь про этот случай. Полгода назад Зинка так двинула своего мужика в ухо, что он оглох, и по этой причине вместо водителя автобуса стал работать слесарем. Задумайся.

Ерёма задумался. Но я отвлёкся.

Однажды у бабы Фроси развязался гайтан, и она где-то в траве потеряла крестик. Горевала сильно, крестик наследственный, ему много лет было. Я бабушку утешаю и говорю, что Верка найдёт крестик, а она рукой машет, мол, ерунду горожу, ей и без того тошно. Тогда я взял похожий крестик, и давай его Верке показывать вместе с кусочками мяса, а клевать его не давал. На другой день сидит бабушка на скамеечке, и вдруг подлетает Верка, и кидает ей на подол её крестик со шнурочком развязанным. После этого бабушка зачислила ворону в разряд святых птиц, и стала усиленно её прикармливать, да так, что Верка к ней переметнулась. А когда я уехал, то совсем с бабушкой осталась. Дружили они ещё несколько лет, пока однажды Верка просто не вернулась из перелёта. Видимо где-то погибла, и вряд ли от старости. Вороны живут в среднем лет двадцать, что для семисотграммовой птицы совсем неплохо.

Ну, а собаки, это особая тема. У меня их было несколько, и о каждой можно поведать много интересного, ведь у них, как и у людей, разные характеры, таланты и судьбы. Но я ограничусь рассказом о Патроне, потому что такие собаки бывают раз в жизни. Да, это он ходил в магазин, но этим его таланты не ограничивались.

Происходил он от чистопородной немецкой овчарки и прочерка в графе, то есть от неведомого беспородного кобеля. Почему и отдали мне его за пять копеек. По правилам собак нельзя брать даром, а только покупать. Пять копеек плата символическая, но от этого она не перестаёт быть платой. Щенков в помёте было несколько, и хозяйка Патриции, так звали овчарку, предложила мне самому выбрать щеночка. Дело это ответственное, и в нём лучше всего довериться природному инстинкту самки животного. Я попросил хозяйку привязать Патрицию до крыльца и отнести всех щенят за угол дома. Когда взволнованную собаку отвязали, она тут же кинулась носить щенят обратно в логово. Я взял себе первого принесённого щенка, а удивлённой хозяйке объяснил, что сука разбирается в своих щенках лучше человека, и если начинает переносить их с места на место, то первым хватает самого лучшего. Инстинкт. Точно так же поступают и кошки. Человек при пожаре вначале тоже спасает самое ценное, а уж потом остальное, если успевает.

Кличка Патрон есть производное от Патриции. Кстати о кличках. В собачьем мире дворняги считаются своего рода плебеями, и клички у них простецкие от Бобика до Найды. Породистым собакам, как аристократам, и клички дают соответствующие, с претензией на некую изысканность. Мужчины в этом деле изошряются не сильно, называя своих питомцев Рексами и Маркизами, но некоторые интеллигенты выходят за рамки этих стандартов. Вспоминаются псы с кличками Сарданапал и Пилигрим. А один начитанный товарищ, с претензией на остроумие, назвал своего боксёра Гуинпленом. Но бывает и по-другому. Мой приятель Славка Звонарёв однажды где-то купил щенка бультерьера. Когда я зашёл к нему во двор, он сидел на скамеечке в позе мыслителя, глядя на своё повизгивающее приобретение. На мой вопрос он ответил, что придумывает кличку, и пояснил:

– Надо ведь от клички его матери какое-то слово. Её зовут Альма, а мне ничего не приходит в голову кроме Альмагеля.

– Так это же лекарство от желудка!

– Ну и что? Вырастет и будет лекарством от желудка. На кого бросится, так тот сразу про больной желудок забудет.

– Тогда лучше назови его Сульфазинном.

– Почему?

– Сколько у тебя знакомых язвенников? Раз, два, и обчёлся. Кого лечить-то? А бухающих приятелей полно, и Сульфазин в самый раз! Его укус будет им как укол сульфазина, сразу в трезвость приведёт. И точно так же дня два после него придётся мучиться от боли.

Славка подумал, и в самом деле назвал кобеля Сульфaziном. Ничего, все привыкли.

Мужчины часто называют собак привычными для русского уха словами – Буран, Восток, Корнет или Тайга. А вот женщины в качестве кличек предпочитают иностранные слова – Каравелла, Дебретта, Селена и им подобные. У одной моей знакомой был пудель Кориолан, и она страшно злилась, когда его называли Корвалолом, а так его звали почти все. Кстати, Дебретта, это справочник знатных английских фамилий. Но это ещё терпимо. Для дам, внешняя красивость звукосочетания бывает важнее смысла слова. Я знал женщину, которая всерьёз хотела назвать свою собачку Эвтаназией. Ей вовремя растолковали, что означает это слово. Порывшись в словаре, она остановилась на Эволюции. У другой моей знакомой был мопс по кличке Элефант. В обиходе она звала его Фантиком. Пёсик выучил обе клички. При слове Фантик он подбегал и вилял хвостиком, а при слове Элефант мигом забивался под кровать. Я объяснил ей, что элефант в переводе означает слон, но она мне не поверила. В этом слове она видела нечто лёгкое, изящное, и очень далёкое от слона.

Патрон был относительно крупным псом, хотя и не дотягивал до размеров овчарки. Своим окрасом, стоячими ушами, широкой грудью и мощными челюстями он был похож на Патрицию, но являл собою её уменьшенную копию. Зато сообразительностью он превосходил всех известных мне собак. Впрочем, силы и ловкости ему тоже было не занимать.

Дрессировать Патрона было легко и увлекательно, тем более, что процесс нравится ему самому. Каким-то наитием он догадывался о том, что от него требовалось. Если, например, требовалось загнать в свинарник сбежавшего поросёнка, что для одного человека дело очень трудное, то Патрон сразу забегал с противоположной стороны, и мы, взяв беглеца в клещи, за считанные секунды водворяли его на место. Любой человек на его месте действовал бы точно так же. Поначалу иногда приходилось его наказывать, и Патрон понимал, что это именно наказание. Обычно я лупил его какой-нибудь тряпкой или свёрнутой газетой, но он скулил так, как будто я охаживал его палкой. При этом Патрон не делал попыток убежать, а старался лизнуть руку, как бы говоря, что больше не будет. Когда он возмужал, то поводов для наказаний не стало. Мне порой казалось, что он понимает человеческую речь, но это, конечно, не так. За исключением команд собаки речь не понимают, но они тонко чувствуют интонации.

В ту пору мне было за тридцать, а дочке лет пять. Мне была нужна хорошая сторожевая собака, и я стал натаскивать Патрона в этом направлении. Вначале я научил его простейшим командам и правилам поведения во дворе и на улице. Научил правильно сопровождать меня пешего и на велосипеде, с поводком и без него, а также ездить в машине. Не реагировать на кошек, других собак, не подбирать с земли и не брать еду из чужих рук. После этого начального образования дальнейшее обучение идёт легче. Вскоре стало ясно, что способности Патрона гораздо шире охранных функций, и делать из него обычного цепного пса было бы неразумно. С его задатками он мог стать и пастушеской, и служебной, и даже цирковой собакой. Поэтому я стал учить его кое-чему сверх программы, и вместо дворового сторожа получил преданного четвероного друга, понимающего тебя с полувзгляда.

А некоторым вещам он научился сам. Например, изумительно драться. Конечно, он знал свой двор, но не был жёстко к нему привязан. Его территория была там, где был я. И там, где я ему её определял и приказывал охранять. Большой участок мы просто обходили по периметру, который он запоминал. Пятачок я обозначал чертой на земле. Всё. После приказа граница была на замке. Кто знал Патрона, не совался.

Я тогда работал в том колхозе, где все меня ненавидели, и гоняли по работам, куда только могли. Изживали. Из механизаторов на ферму, оттуда в столярку, и так далее. Дошло

до назначения сторожем. А это дело не такое и простое. Нужно было далеко в степи ночами охранять базы с поросятами и свиньями. Без собаки это нереально. Но опыт уже имелся.

Наша с Патроном карьера началась весной с охраны парников. Раньше там для охраны собак не применяли из опасения, что они потопчут рассаду, и этим нанесут ущерба больше, чем мелкие воришки. И совершенно напрасно! Так же как и человек, собака предпочитает ходить по сухой дороге или тропинке, и без нужды не полезет в грязь. Никогда. Патрон блестяще это доказал, за всё время не поломав ни одного растения. В первый же день я познанил Патрона с агрономшей и работавшими на парнике женщинами. Он обнюхал их, признал своими, и после этого не стал проявлять к ним агрессии до такой степени, что даже позволял себя гладить. Угощений не принимал, чем сильно удивил персонал. Но когда женщины вечером покидали территорию, назад он их уже не пускал. За такую выучку Патрона стали уважать и даже восхищаться им.

На самом деле парник охранял Патрон. Когда все уходили, я командовал: – «Служба», и пёс, коротко гавкнув в ответ, приступал к её несению. До захода солнца я читал книгу, а потом заваливался во времянке спать. Раньше там было заведено, что окрестные жители привыкли не выращивать дома рассаду, а запастись ею на колхозном парнике. Кто через знакомство со сторожем, а кто наглым воровством в темноте. Эту традицию Патрон уничтожил. Кое-кто по старой памяти рискнул наведаться, но Патрон эти попытки пресёк на корню. После того, как он искусал двух мужичков, народ, скрипя зубами от злости, потянулся за рассадой на базар. Кого он укусил, я в потёмках не узнал, слышны были только обещания застрелить или отравить собаку. И ведь попытались. Ночью был небольшой шум, а утром я обнаружил на территории кусок варёной колбасы грамм двести весом. Было ясно, что колбаса отравленная. Я завернул её в полиэтилен, и положил в карман. Почему-то отравители собак чаще всего для этой цели использовали варёную колбасу или пирожки с печёнкой. Сдав смену, мы с Патроном обследовали местность за оградой, и вскоре нашли следы. Отравитель проявил беспечность, и эти следы через десять минут привели ко двору колхозного механизатора по кличке Шуряк. Дома его не было, и мы отправились к нему на работу в бригаду. Шуряк копошился возле трактора, а неподалёку что-то обсуждала группа механизаторов. Увидев нас, они замолчали. Шуряк оглянулся, и обнаружив невредимого Патрона, забегал глазами. Я вытащил колбасу и сказал:

– Богато живёшь Шуряк, колбасой ночами разбрасываешься.

– Чего ты? Это не моя колбаса! Не докажешь!

Я не стал вдаваться в подробности и доказательства, а просто влепил ему этой колбасой по морде, и громко сказал:

– Следующий раз я заставлю тебя самого такую колбасу сожрать. А кто вздумает поднять на собаку ружьё, то его ждёт такое, что лучше бы он и на свет не родился. Так всем и передай.

Впрочем, передавать эти слова не требовалось, их слышали все, и когда мы уходили, нас провожали только злые и угрюмые взгляды. Но покушений на Патрона больше не было ни разу.

В том году впервые за всё время рассада в парнике выросла в целости и сохранности. Это произвело на агрономшу сильное впечатление, и она выписала мне премию. В правлении на это отреагировали кисло, но премию выплатили. Более того, желая принизить мою роль в успешной работе, выписали конкретно для собаки пять килограмм свежей говядины. Намёк я понял, но не обиделся, и, несмотря на протесты жены, всё это мясо честно скормил Патрону.

Так репутация Патрона распространилась на весь колхоз, и когда мы прибыли охранять базы, свиначи отнеслись к нему с большим уважением. Мы и до этого часто бывали с ним на природе, где он набрался опыта в стычках с бродячими псами. А уж на базах он погулял

в степи по полной программе – зайцы, лисы, ёжики. И жуткие встречи со стаями одичалых собак. Эти страшнее волков бывают. Трактористы одно время без ружья в поле боялись выезжать. Раза два мне приходилось отстреливаться, а потом залечивать Патрону раны. Но он приобрёл такую сноровку, что уже не боялся целой стаи, и однажды загрыз жожака, после чего остальные собаки разбежались. Конечно, он знал, что я за спиной, и это давало ему уверенность. Патрон уже не дрался, а сразу убивал.

Он был вышколенным псом, и на улицах или во дворе без нужды зубы не скалил и голоса не подавал. Патрон любил детей, и маленькие дочкины приятели вытирали об него ноги. А если они сильно ему надоедали, то он не рычал, а только убегал от детей. Однажды я видел, как он принёс заблудившегося котёночка и положил его на крыльцо. Многие люди считали его безобидным, но таким он был до моего приказа. Этот добродушный пёс свирепел, если видел направленную на меня агрессию, а он это тонко чувствовал. Не всякий человек мог похлопать меня по плечу, если Патрон был рядом. А в степи, если Патрон лежал на пороге временки, то я чувствовал себя там, как за каменной стеной, и спал сном младенца.

Всего этого не знали два пьяных хулигана, которые по пути с речки однажды заехали на территорию базов на мотоцикле с коляской. Дело шло к вечеру, но было ещё светло. Я за столиком книжку читаю, а Патрон свернулся у меня в ногах под этим столиком. Эти придурки начали обычную программу, мол, дай закурить, да мы тебя, и всё такое. Я их ничуть не испугался, ребята сильно переоценивали себя. Я без труда мог навалить им обеим, и честно предупредил, чтобы уматывали пока целые. Не поняли, и, матерясь, двинулись в нашу сторону. А Патрон почуял агрессию, и его прямо затрясло крупной дрожью от ярости, но он дисциплинированно молчал. Они его увидели и совершили ошибку, сказав что-то обидное насчёт шелудивой собачки. Это было чересчур, и я дал команду Патрону: – «Взять». Он только этого и ждал. Как будто выброшенный катапультой, он сделал огромный прыжок и, бросившись на нарушителей, стал рвать их в клочья. Мгновенно протрезвев, все в крови и лохмотьях вместо одежды, они бросились к мотоциклу. Залезли на коляску и стали кричать:

– Мужик, убери собаку, и ты нас больше в жизни не увидишь!

Я отозвал Патрона, и он послушно прибежал на место. За всё время я даже не вставал из-за столика. Испуганно оглядываясь, они завели мотоцикл, и смылись. Больше я их не встречал. Да, Патрон вполне мог загрызть человека до смерти, и, зная это, бродяги всякого рода далеко обходили нашу территорию.

Надо сказать, я не афишировал бойцовские качества Патрона, и о них знали немногие. В станице драк мы избегали, и мои приятели восхищались другими его умениями. Но всё-таки иногда случалось. Однажды летом приехали гости с севера всей семьёй, моя родная тётя Капа, её муж дядя Валентин, их сын Юра и дочь Люба. То есть мои двоюродные брат с сестрой. Юра был уже взрослым парнем, но ещё неженатым, а Люба школьницей. Патрон им нравился, и они часто тормозили его и гладили как плюшевого. Всем кроме дяди Валентина хотелось на речку. Дядя предпочитал спокойный отдых, то есть в тени с бутылкой. Загрузились в мой «четырёхместный» москвич. На имевшееся свободное место Юра предложил взять Патрона. Я не возражал, так как Патрон тоже любил купаться. Приехав на речку, гости сразу кинулись в воду, а мы с Патроном задержались.

Неподалёку на берегу расположилась небольшая компания. Два станичника были мне знакомы, а третий, судя по номерам «копейки», был приезжим. Рядом с ними по берегу рыскал здоровый ротвейлер. Патрон вёл себя безупречно и с достоинством. Отошёл чуть в сторону и сел, ожидая команды. Ротвейлер заметил собаку и пошёл на сближение. Остановился, принялся и глухо заворчал. Патрон, молча, коротко оскалится и перестал обращать внимание на чужака. Однако я решил на всякий случай предупредить хозяина ротвейлера. Я подошёл к ним, и мы поздоровались. На скатерти стояла бутылка вина, и мужики были слегка навеселе. Я попросил хозяина собаки проследить, чтобы кобели не задрались:

– Патрон, мой пёс, не начнёт, он дисциплинированный.

Хозяин с удивлением посмотрел на меня, и сказал:

– Если так переживаешь за него, то запри в машине.

– Я не за Патрона переживаю, а за вашего кобеля. Если сцепятся, то ему несдобровать, а ведь он породистый, больших денег стоит.

В ответ раздался хохот:

– Да ты чё, паря? Разуи глаза! Это же ротвейлер, две медали в своей породе. На собачьей площадке обученный.

– Не возражаю, но это квартирная собака, в настоящих драках она не была, а Патрон закалённый боец. Твоему ротвейлеру он только по массе уступает, а по ловкости и опыту значительно его превосходит. И медалями Патрона не запугать, потому что он в них не разбирается.

– Какой ещё опыт? Сравнил тоже! Ты посмотри на эту собаку и своего недопёска! Только скомандую, и от него мокрого места не останется.

Напрасно он это сказал, потому что теперь заело меня:

– Хорошо, если не жалко собаку, то командуй, только сперва напиши расписку.

– Зачем?

– А чтобы потом меня по судам не таскал. Ты ведь не признаешься, что тебя предупреждали. Или не уверен в своем кобеле?

– Ладно, давай!

Я принёс ручку с бумагой, и продиктовал:

– Претензий к псу Патрону не имею, так как, защищая охраняемую территорию, он победил в честном бою моего кобеля. Роспись, число и свидетели.

Хмыкнув, владелец ротвейлера стал писать расписку, а его приятели, попавшие в свидетели, принялись меня отговаривать:

– Опомнись Родион! Мы знаем, что твой Патрон много чего умеет. Кобель редкостный, в магазин ходит и рыбу удочкой ловит, но не это же! Куда ему против этого телка?

Хозяин ротвейлера отдал мне расписку и спросил:

– А где его эта территория?

– Сейчас отмечу.

Палок поблизости не было, и я монтировкой провёл отчетливую линию по земле вокруг машины. Кликнул Патрона, и дал ему команду на охрану. Юра вылез из воды и зачем-то пошёл к машине. Я его остановил:

– Не подходи туда! Патрон укусит!

– Да ты что? Я же свой.

– Сейчас он на службе, и для него в это время все чужие.

– А что здесь происходит?

– Сейчас будет собачий бой. Отойди в сторонку, и всё увидишь.

Хозяин ротвейлера потрепал его по загривку и громко сказал:

– Прощайся с жизнью тузик деревенский. Лорд, фасс!

Услышав команду, Лорд живой торпедой бросился на оскалившегося Патрона. Как только ротвейлер пересёк черту, Патрон отскочил чуть в сторону, и как-то наискосок кинулся на него, собаки покатались по земле, но через три секунды всё было кончено. Патрон с окровавленной пастью отскочил в сторонку, а ротвейлер, с перекушенным горлом, забился в агонии. Все оторопели. Хозяин с выпученными глазами побежал к собаке, но я загородил ему дорогу:

– Стоять! Или ляжешь рядом со своим кобелём. Патрон сантиментов не понимает, он на службе.

Я сам за ноги притащил ему дохлого кобеля. Мужик повторял как заведённый:

– Не может быть! Не может быть!

Потом вскинулся, но под моим взглядом как-то сник, и махнул рукой. Они погрузили собаку в багажник, быстро собрались, и все уехали. Потрясённый Юра воскликнул:

– Вот это да! Кому скажи – не поверят.

Я снял Патрона с охраны, и мы отправились с ним купаться.

Дня через два неожиданно приехал владелец убитой собаки и стал просить меня продать ему Патрона. Мужик не бедный, он давал за него огромные по тому времени деньги, но я категорически отказался от сделки, ведь друзей не продают. Я ему постарался это объяснить:

– Даже если я продам Патрона, отдам так, или его украдут, то новому хозяину это ничего не даст. Патрон слишком привязан ко мне, и другого хозяина не признает.

Он не будет принимать пищу и умрёт с тоски. Патрон из тех собак, которые умирают на могиле хозяина.

Мужик понял и, прощаясь, сказал:

– Н-да! А я думал, что знаю о собаках всё.

После этого случая Юра стал относиться к Патрону с большим почтением, а побывав с ним на рыбалке, пришёл в восторг. И неудивительно, ведь Патрон и в самом деле умел ловить рыбу удочкой. Рыболов он был, конечно, неумелый, но сам факт!

Я его этому не учил, да и в голову такое не приходило. Патрон сам проявил инициативу. Немногие собаки любят сырую рыбу. Патрон любил. Видимо эта любовь и стала импульсом. Он часто ходил со мной на рыбалку. Сидел на берегу и, в ожидании лакомства, внимательно наблюдал за процессом. Зрение у собак неважное, они хорошо видят только то, что движется. В конце концов, Патрон уловил связь между движением поплавка, взмахом удилица, и появлением рыбки. Теперь во время клёва он стал возбуждённо повизгивать, и даже срываться на лай. И однажды не выдержал! Я на что-то отвлёкся, а в это время поплавок резко повело, Патрон схватил удилице пастью, и, скорее всего, случайно, подсёк крупного гибрида. Я с изумлением смотрел как он, схватив зубами удочку, пятился назад, вытаскивая леску с рыбиной на берег. Действовал неловко, но ведь по-другому он и не мог. С этого всё и началось. Видя такое рвение, я изготовил более подходящую для собачьей конституции специальную удочку. На короткое удилице я приладил специальную дощечку под прямым углом, за которую Патрону удобно было бы хвататься зубами. Некоторое время ушло на дрессировку, но вскоре Патрон стал уверенно обращаться с этой снастью. Терпения и внимания у Патрона хватало, однако что-либо поймать ему удавалось нечасто. Но если рыбка засекалась у него на крючке, то он мог, ухватившись за своё удилице, одним движением головы выбросить её на берег. Не всякий раз, но когда это происходило, то выглядело эффектно. Всё было по-честному. Снятую с крючка рыбу я тут же скармливал Патрону, насаживал нового червя, и забрасывал ему удочку. Когда мне надоедало это баловство, я просто забрасывал ему пустой крючок. Это было и в самом деле баловством, обычным дрессировочным трюком. В цирке собак и не такому учат, но у тех, кто видел Патрона на рыбалке, от удивления отвисала челюсть. И не только от удивления.

Помню забавный случай. Мы с Патроном тогда были на тех самых базах, а там неподалёку находился пруд с карасями. Вот по утрам мы и ходили туда поудить. Одним таким утром сидим мы с Патроном на берегу, на поплавки смотрим, и тут Патрон удачно выхватывает карася на берег. В этот момент на дорожке за спиной раздался какой-то дребезг. Оглядываюсь, и вижу картину – лежит велосипед, а рядом на четвереньках стоит мужик с крепко похмельным лицом, и с ужасом смотрит на Патрона, прижимающего лапой к земле карася. Это был знакомый свинарь с базов, ехавший на работу. Он был любителем много и часто выпивать, а потому работником был неважным, особенно по утрам. Я помог ему подняться, поздоровался, но он в ответ посмотрел диким взглядом, что-то невнятно пробормотал, с тре-

тёй попытки сел на велосипед и рванул в обратном направлении. В тот день на работе он так и не появился, отсиживался дома. Я понял, что произошло.

Бедный мужик ехал себе по дорожке мимо пруда и увидел двоих рыбаков, сидящих с удочками метрах в трёх друг от друга. Что-то не так. Остановился. Глядь, а один из рыбаков не человек, а собака. А когда она подсекла и вытащила карася, то он подумал, что сходит с ума, потерял равновесие, и с велосипедом грохнулся на землю. Вид собаки удильщика настолько его потряс, что он бросил пить. Во всяком случае, пока мы работали на базах, он ходил трезвый. Только вот при виде Патрона крестился, но никому не говорил, почему он его боится.

В общем, жизнь у Патрона была интересная и насыщенная, но короток собачий век. Через двенадцать лет он как-то разом сдал, начал болеть, двигаться с трудом, и практически вышел на пенсию по старости. Я его лечил, возил в ветлечебницу, колол назначенные уколы, но помогало ненадолго. Будь он моложе, то выздоровел бы без всяких уколов.

Пришёл день, когда он подполз ко мне, положил свою голову мне на ладони, поглядел в глаза, и заснул навеки. Должно быть это нехорошо, но я долго горевал о Патроне. Как если бы я потерял близкого человека.

После него у меня пропало желание заводить собаку. Мне предлагали щенков, но я отказывался. Но сельский двор без цепного кобеля какой-то неправильный, пустой. Дело решил случай, и я всё-таки обзавёлся дворовым псом.

Жившая на соседней улице тётя Нюра, однажды попросила меня починить её крыльцо. За два дня я всё сделал, и, расплачиваясь, она вдруг спросила:

– Родион, у тебя собака есть?

– Нет.

– Тогда заberi себе моего Пирата. Я знаю, что он в хорошие руки попадёт.

– А чем он вам не угодил?

– Да не в этом дело! Кобель он хороший, зря не гавкает. Просто он лишний. Ну, зачем мне во дворе две собаки? Хватит и сучки. Она давно живёт, привыкла я к ней, а Пират молодой.

Пират был средних размеров аккуратным кобелём с умными глазами. До Патрона ему было далеко, но в качестве цепного пса он годился, и я сказал:

– Хорошо. Я дома приготовлю ему будку и всё остальное, а завтра вечером за ним приду.

Тётя Нюра обрадовалась. Для неё Пират был просто лишним ртом.

На следующий день после работы я захватил ошейник с поводком и отправился за собакой. Во двор заходить не стал, а вызвал тётю Нюру за калитку. Заплатил ей двадцать копеек, передал ошейник с поводком, и попросил её, чтобы она сама нацепила мой ошейник Пирату, и вывела его со двора на улицу. Так она и сделала. Как только я взял в руку поводок, Пират сразу признал во мне хозяина, и, не оглядываясь, спокойно пошёл со мной на новое место обитания. Ко двору он привык очень быстро. Никакой депрессии от смены хозяина у Пирата не было, и уже на третий день он стал исправно выполнять нехитрые собачьи обязанности.

Примерно через неделю, работая у себя в мастерской, я услышал яростный лай Пирата. Выхожу во двор и вижу, что Пират рвётся с цепи, бросаясь на тётю Нюру, а она стоит возле калитки и плачет. Успокоив кобеля, спросил, в чём дело. Тётя Нюра стала жаловаться:

– Вот она жизнь! Я ж его со щеночка кормила и выхаживала, а он через неделю меня забыл. Захожу, обзваслась, а он меня чуть не укусил. Вот она собачья верность. Предатель!

– Это вы зря тётя Нюра. Тут надо ещё разобраться. Помните, как я попросил вас вывести Пирата со двора на улицу? А это неспроста. Я ведь и сам мог это сделать, но не стал. Причём специально. Пират взрослый кобель, и всё понимает. После того, как вы его вывели

со двора и отдали чужому дяде, он вас и возненавидел. С его точки зрения вы и есть предательница, и он вам этого не простит. А если бы я сам забрал его со двора, то он при случае стал бы наведываться к вам по старой памяти, ведь живёте вы недалеко. Зато теперь его к вам не заманишь.

– Родион, ты думаешь, я поверю, что у собак есть такое понимание?

– За всех собак не ручаюсь, но Пират такие вещи чувствует. И это легко проверить. Ваши домашние ему не враги. Приведите сюда кого-нибудь, и посмотрите, что будет.

Тётя Нюра, забыв цель своего визита, припустила домой. Вскоре она вернулась в сопровождении дочери и десятилетней внучки. Пират, конечно, их узнал, завилял хвостом и подбежал приласкаться. А на тётю Нюру демонстративно зарычал. Потрясённая, она заголосила:

– Господи! Какая ж я дура старая! Такого умного кобеля за двадцать копеек отдала!

Пират не был комнатной собакой, и когда я переселился в квартиру, пришлось с ним расстаться. Я отдал его одной хорошей семье, и больше собак уже не заводил. Но как знать?

2.

Изредка Родиона всё же заносило на «высокие материи», хотя мы с Дашей старались не провоцировать его на это. Чаще всего такие случаи происходили при нескольких собеседниках. Наблюдая за Родионом в такие моменты, я заметила, что временами у него проявляется какой-то личный магнетизм, околдовывающий слушателей. Это именно так, потому что содержание его речей на бумаге не выглядело шедевром, и в устах другого оратора звучало бы нудно и банально. Обладая такой способностью, Родион вполне мог бы организовать какую-нибудь партию со странным или дурацким лозунгом, но, слава богу, у него таких желаний не имелось. Впрочем, дальнейшие события показали, что насчёт партии я была совершенно права.

В ту субботу Родион посетил радиорынок, а после обеда заехал к нам. Мы с Дашей обрадовались и ему, и предстоящей беседе, но с ней пришлось обождать. Пришли гости, Егор Мельников с женой Натальей. Знакомы мы были давно, так как их сын Толя учился с Дашей в одном классе. Егор служил в военкомате, а Наталья работала в роддоме бухгалтером. Несмотря на это, она считала себя опытным в медицине человеком. Пришли они не просто так. Военные рано выходят на пенсию, оставаясь при этом в хорошей форме. Егор не был исключением, и с завершением службы стал подыскивать себе непыльную работу по своему статусу, например в охране. Я обещала ему посодействовать. Родион легко сходился с людьми, и, познакомившись с супругами, быстро нашёл с Егором общий язык. Наталья же смотрела на Родиона несколько свысока, но он не обращал на это внимания. Я переговорила с Егором, а потом все вместе отправились пить чай. Собственно чай пили только мужчины. Они отказались от хорошего сухого вина, бутылку которого принесли с собой гости, и вино досталось женщинам. Застольная беседа началась за здоровье, но Родион плавно перевёл её на философский уровень, и прочёл маленькую лекцию. Речь зашла о неважном здоровье призывников. Егор посетовал:

– Призывник сейчас весь какой-то задохлый. Относительно здоровых парней меньше половины. Многим и уклоняться не надо, потому что уже от рождения чем-то болеют.

Родион согласился.

– Да, это правда. Генофонд народа ухудшается на глазах. Лет тридцать или сорок назад молодёжь, особенно сельская, была на редкость здоровой. Сужу по своему поколению. На всю школу у нас было всего двое очкариков. С призывниками больших проблем не было. Кое-кто пытался уклониться, но таких были единицы. Дело не в каком-то там патриотизме и многие охотно бы променяли армию на что-нибудь другое, но белобилетники в те годы считались людьми как бы второсортными, даже при уважительной причине. Поэтому врачи призывных комиссий в большей степени были озабочены выявлением симулянтов здоровья. Впрочем, на нашей улице таких белобилетников было всего человек пять. Из них настоящим больным был только Сашка Васильев. У него имелся врождённый порок сердца. Остальные были жертвами несчастных случаев. У одного умельца ещё в школьном возрасте взрывом оторвало пальцы на руке, у другого вышибло камнем глаз, а ещё у одного, когда он был малышом, свинья отгрызла ухо. А в остальном эти хлопцы были кровь с молоком.

На этом тема должна была закрыться, однако Наталья продолжила её, не подозревая, что своим замечанием она нажала кнопку, и запустила процесс. Она сказала:

– Всё правильно! Чего ж не быть здоровым в экологически чистой среде? Тогда пища была естественной, воздух чист, а вода в речках пригодна для питья. Это сейчас мы потребляем генномодифицированные продукты, нитраты, напигованные уколами американские окорочка, подозрительные консервы и напитки. А обычную питьевую воду приходится поку-

пать в магазине. Плюс ко всему тяжёлые металлы и радиация. О каком здоровье тут можно говорить?

— С этим не поспоришь, но здесь тот случай, когда второстепенные факты выступают главной причиной явления.

— И в чём же, по-вашему, главная причина?

— В генетическом вырождении некоторых народов, в том числе и русского. Об этом пишут и специалисты, и публицисты. Проблему излагают грамотно, и я с ними согласен, но эти публикации не находят отклика в общественном сознании. Как в руководстве, так и в массах.

— Почему?

— Вопрос из области социальной психологии.

Научным выводам довольно нелепо давать вкусовые оценки, но, тем не менее, некоторые знания людям просто-напросто не нравятся, и по мере возможности они стараются их игнорировать. Вот вам характерный пример — происхождение человека. Путём генетической экспертизы биологи доказали, что обезьяны наши ближайшие родственники. Но очень многим людям не по душе родство с этими блохастыми созданиями, и они строят гипотезы об ином происхождении человека, вплоть до признания в качестве предков гуманоидов с Альдебарана. Так и тут. Не нравится человеку быть представителем вымирающего народа, ведь какая-то доля ответственности за это ложится и на него. Проще сослаться на окружающую среду, которая и в самом деле местами хуже некуда. Между тем в России имеются народы, которым вымирание не грозит, потому что они вовсю размножаются, не оглядываясь на состояние окружающей среды, а коренные европейцы вымирают в своей экологически чистой среде. Этот процесс толерантно называется «старением населения». То есть, не всё здесь так просто, и дело не в экологии.

— А в чём?

— Исключительно в естественном отборе. Многие из тех, кто о нём слышал, полагают, что с развитием цивилизации выживание в дикой природе утратило значение, надобность в естественном отборе отпала, и он прекратился. Но это далеко не так. Естественный отбор у людей происходит через плодовитость и соответствующую ей детскую смертность. Именно путём вымирания нежизнеспособного, слабого и ущербного потомства, на протяжении всей истории человечества сохранялся его здоровый генофонд. Однако в двадцатом веке из-за развития детской медицины этот процесс впервые в истории забуксовал, а в передовых странах. Европы и Америки эмансипация, аборты и контрацепция свели естественный отбор к нулю. Социологи называют это снижением рождаемости, обусловленным всякими причинами экономического и культурного характера, а на самом деле отсутствие естественного отбора ведёт к биологическому вырождению популяции. Процесс постепенный, но его трудно не замечать. Я сам из последней волны здоровых поколений. В Советском Союзе в пятьдесят пятом году разрешили аборты, и с этого времени людская порода стала неуклонно портиться. Самое печальное то, что вернуться к былой форме естественного отбора невозможно. Прогрессоры не дадут. Словцо это из романов Стругацких. Означает профессию людей, насильно ускоряющих социальный прогресс. На мой взгляд, в самой идее прогресса ради прогресса, как такового, заключено что-то механически-извращённое. Это как если бы, схватив ребёнка за голову и ноги, его начали растягивать в стороны, чтобы он быстрее рос. Прогрессоры очень не любят простого вопроса «зачем», и всячески его избегают. Если нет внятного ответа на этот вопрос, значит, мы имеем дело с псевдопрогрессом.

— Как это?

— Прогресс, это путь от сырого железа до легированной стали. Путь от литого чугуна до электрического. Утюг со встроенным плеером и есть псевдопрогресс. Наше время с его улучшенными формулами мыла и кучей других ненужных изобретений можно

смело назвать эпохой псевдопрогресса. Он ловко маскируется техническими разработками. У первых допотопных телевизоров экран имел размеры спичечного коробка. Прогресс шёл через увеличение размеров экрана и совершенствование его качеств. Результат у всех на виду. Но вот недавно заговорили о трансляции телеканалов на экран мобильного. То есть пришли к тому с чего начали. Вопрос «зачем» игнорируется и затирается техническими описаниями. Налицо типичный псевдопрогресс. Но это мелочи жизни. Наибольший вред от ретивых прогрессоров бывает тогда, когда они стараются реформировать то, что по природе своей неизменно. Я имею в виду законы божьи и вытекающую из них нравственность. Занимаются они этим ещё со времён Локка и французских просветителей. Виною всему Ж. Ж. Руссо с его теорией общественного договора, согласно которой ВСЕ общественные законы придуманы людьми. На самом деле, это грандиозное заблуждение. В заслугу человеческому разуму можно поставить создание гражданского права, и только. Право рационально, логично, и лишено непонятных разуму ограничений. То есть в своей основе оно безнравственно в той же степени, что и породившие его экономика и торговля. Иначе говоря, человек властен только над теми законами, которые создал его собственный разум. И не больше. Другое дело закон божий, существующий в виде нравственных заповедей и прочих ритуальных запретов.

– Родион Алексеевич, вы серьёзно верите в бога?

– Этот вопрос гораздо сложнее, чем вы думаете, и я не хотел бы сейчас его развивать. Есть ли бог? Какой он, в чём его сущность? Однозначных ответов нет. Но в существовании божьей воли и божьих законов я не сомневаюсь.

– Как-то странно.

– Действительно, но таковы факты. Нравственность, как выражение свободы воли человека, существовала до возникновения у него разумного самосознания. То есть, не будучи «сапиенсом», он не мог её придумать. Даже сейчас не всякому человеку понятна нелинейная логика воздействия нравственных принципов на общество, а что говорить о дикарях? Тогда откуда она? От бога. Потому что свобода воли есть только у человека и богов, и если человек исключается, то вариантов остаётся немного. Многие философы объясняют нравственность по-своему, но пока не будет представлено математически точное определение таких явлений как нравственность, любовь, ненависть, страх и прочих инстинктов, теологическая версия всегда будет иметь право на существование. А если не представлять Господа Бога таким старым волшебником из детских сказок, то теология вполне логично описывает закон божий. Нравственные принципы всегда казались людям навязанным долгом, а центральным местом всех религиозных учений является получение людьми законов от бога.

Что от бога, то совершенно, и законы его непреходящи. Общество меняется, а они всё те же. Что от человека, то несовершенно, тленно и преходяще. На эту тему есть даже анекдоты. Один человек спросил у бога, мол, почему все девушки ангелицы, а женщины стервы? А бог ответил, что девушек создаёт он, а женщин делают мужчины.

С этой точки зрения нелепо требовать от церкви какого-то прогресса, так как смысл её деятельности в сохранении религиозных догм и традиций. Декларативная запретная форма божьих заповедей делает трудным их практическое применение, а потому они переведены в конкретные статьи уголовного кодекса. Закон божий всегда был и будет высшим законом. А человеческое право, как система частных разрешений, по своему происхождению и положению является подчинённым законом.

Несмотря на это, охваченные гордыней прогрессоры стараются объявить высшим законом право, и кое-где им это удаётся. Из-за этого система социальных ценностей переворачиваются с ног на голову. Потерявшему ориентиры затурканному населению предлагается вульгарное и невежественное определение свободы: – «Каждый свободен в той мере, в кото-

рой не ущемляет свободу других». Совершенно пустое выражение, ведь в нём не сказано, что есть свобода. Целью социального прогресса объявляется количественное увеличение частных свобод. Вопрос «зачем» как всегда не обсуждается. А самый лёгкий путь увеличения «духовной свободы», это снятие запретов. И отменяют, называя нравственные заповеди пережитками или предрассудками. Полученную таким путём свободу здравомыслящие люди называют вседозволенностью. Я бы добавил, что эта извращённая свобода к подлинной свободе не имеет никакого отношения. Это иллюзия свободы, морок, наведённый дьяволом на своих рабов, сидящих в трясине греха.

– Вы и в дьявола верите?

– Нет.

– Мне ясно. По вашей логике дьявола нет, но существуют его козни.

– Не всё так просто. Слово воля родственно словам велеть, веление. При этом часто под словом воля подразумевают некое волевое действие. В реальности всё наоборот. Любое целенаправленное действие человека и животного является реализацией желания, порождённого соответствующим инстинктом. Воля есть сознательное внутреннее напряжение блокирующее желание и нейтрализующее инстинкт. Человеку страшно, инстинкт командует: – «Убегай», но на пути этого желания плотиной встаёт воля, и страх преодолевается. Инстинкт командует: – «Вот еда. Жри», а воля ставит преграду: – «Не ешь. Сначала накорми детей». И так во всём. Лишь в случае преодоления инстинкта лени воля выражается в действии – труде.

Возникающая при этом свобода воли делает человека хозяином своих инстинктов. Эта относительная независимость от инстинктов и формирует ту самую свободу, которая и делает человека человеком. Животные не обладают свободой воли, а потому живут в безусловном рабстве у своих инстинктов.

Тема эта обширная, попробуем вкратце. Абсолютно запретить инстинкты не позволяет физиология, но трансформировать их путём запрета некоторых форм вполне возможно. Божьи законы в виде нравственных табу запрещают внутрисоциумную отрицательную агрессию пищевого, полового и других инстинктов, и человек невольно переходит к другим, искусственным формам поведения, то есть ритуалам.

– А разве бывает положительная агрессия?

– Сколько угодно – любовь, дружба, труд. Все люди, и верующие, и атеисты живут по божьим законам. Чтобы убедиться, достаточно выйти на улицу. Голодные люди идут мимо набитых едой магазинов. Сотни женщин и мужчин желают спариться, но только провожают друг друга глазами. В условиях дикой природы такое поведение немыслимо.

Таким образом, границы человеческой свободы определяются границами заповедей божьих. Выход за эти пределы означает животную несвободу и одичание. Система нравственности и есть палата мер и весов, определяющая добро и зло. Любое действие человека может быть и добром и злом, то есть нравственным или нет. Всё зависит от того, признаются ли нравственные ценности высшим законом или же игнорируются вообще. Право поставленное выше нравственности есть безусловное зло. И ещё есть мера. Давно замечено, что самые благие чувства в излишнем количестве оборачиваются злом. Таких примеров полно. На одном полюсе распутники, на другом скопцы, но и то, и другое есть зло. Излишняя жалость к преступникам оборачивается жестокостью к их жертвам. От деятельности псевдогуманистов оторопь берёт. Почему псевдо? Объектом гуманизма по определению является человек, а не собаки или коровы. У волонтеров, собирающих по городу бродячих собак и строящих для них санаторий, каша в голове, поскольку они не замечают людей, нуждающихся в реальной помощи. Большим обманом звучат слова «Всякая любовь есть добро». Не всякая. Безнравственная любовь всегда зло. И здесь не может быть полутонув, иначе придётся считать педофилов добрыми людьми, ведь они любят детей. По-своему, конечно,

но ведь это тоже любовь. Псевдогуманистам не худо бы перечитать Евангелие. Там много мудрых, а главное точных мыслей. Например «Возлюби ближнего...». И нигде ни слова о любви к дальнему. И правильно. Человек физиологически неспособен любить того, кого в глаза не видывал. Ещё одна фальшивка о братстве. Выражение «Все люди братья» верно только в научно биологическом смысле, и ни в каком ином. Псевдогуманисты любят смещать акценты и выдавать зло за добро, давая ему новое имя. Ф. М. Достоевский буквально взывал: – «Оправдайте, не карайте, но назовите зло злом». Ведь если назвать зло его настоящим именем, это будет первым, и самым важным шагом к его искоренению. Именно поэтому псевдогуманисты так любят эвфемизмы. В мире полно министров обороны, но министров нападения нет ни одного.

Что касается дьявола. В девятнадцатом веке во Франции жил знаменитый магистр оккультных наук Элифас Леви. Несмотря на поприще, человеком он был очень даже неглупым, и в одной из своих книг сказал примерно следующее: – «Дьявола не существует в природе. Человек творит его заново каждый раз, когда вызывает». К этому я бы добавил, что для вызывания дьявола не обязательно использовать горящие пентаграммы, достаточно сознательно отречься от бога. Ведь отвернувшись от бога, неизменно поворачиваешься к дьяволу, так как чего-то третьего не существует. Или – или. Как только человек отказывается от закона божьего, он тут же утрачивает свободу воли и попадает под власть страстей и инстинктов, которые играют роль тех самых бесов, совращающих с пути истинного. А дьяволом является гордыня, источник всех грехов и преступлений. Именно она внушает человеку успех и счастье через попрание нравственных принципов, то есть путём злодеяний. В литературе этот момент описывается как запродажа души чёрту. Очень правдивая аллегория. Дьявол является отсутствием бога, его тенью, и не более того. Из всякого рода описаний нечистой силы можно сделать интересный вывод: все эти черти, бесы, дьявол и сатана полностью лишены собственной воли и какой-либо внутренне осмысленной жизни. Их единственная цель, вредить человеку, и без него, сами по себе они ничто. То есть на самом деле это придавленная свободой воли дикая ипостась самого человека. У нормальных людей разум управляет инстинктами, а у одержимых дьяволом инстинкты управляют разумом.

Все люди время от времени сквернословят, врут, дерутся и грешат иными способами, но рабами дьявола от этого не становятся. Причина в том, что в душе они признают свои нехорошие поступки грехом. Наши предки были проще, и чертыхнувшись, всегда говорили: – «Прости меня Господи», и этим подтверждали свою приверженность закону божьему. Запродавшие дьяволу души целенаправленно отказываются от соблюдения божьих заповедей.

– Родион Алексеевич, мы ведь начали про здоровье.

– Так я к этому и веду. Раньше ведь как было? И крестьянки, и дворянки за небольшим исключением рожали через год, да каждый год. Слабые и ущербные младенцы обычно помирали в течение первого года жизни, а то и сразу после рождения. Но уж те, кто выживал, в дальнейшей жизни во врачах не нуждались. На самом деле здоровый младенец очень живучее существо, и есть примеры того, что его не так просто ещё и убить. Об умерших младенцах особенно не горевали, и относились к этому философски – «Бог дал, Бог взял». Роптать на бога нельзя, да и смысла в этом нет, ведь божья воля и пути её для человека непостижимы. Да и времени на слёзы нет, потому что двое за юбку держатся, а под сердцем бьётся ещё одна новая жизнь. Изредка выживали и калеки, но шансов на продолжение рода у них не было.

Вряд ли наши предки держали женщин в подчинённом состоянии из пустого желания поиздеваться над ними. Резоны были гораздо серьезнее. В двадцатом веке результатом полового равноправия стало то, что женщина вдруг заняла место бога, и стала решать сама, кому жить, кому умереть, а кому и вовсе не зародиться. Но, увы, человек несовершенен, и дела его

несовершенны. А там, где он пытается подменить бога, всё получается наоборот. Стало возможно планирование семьи. Рождались один или два запланированных ребёнка, а остальные шли в аборт. Я лично знал женщин, сделавших более чем по сорок абортов. Они не чувствовали себя убийцами, ведь это разрешено законом. У естественного отбора не стало материала. Из родившихся детей больные и недоношенные стали выживать благодаря успехам детской медицины. Поражают воображение человеческие и технические ресурсы призванные сохранять генетический мусор. Врачей за эту евгенику наоборот судить не стоит, ведь материал поставляется женщинами.

– Родион Алексеевич, но ведь существует контрацепция, культура отношений.

– Контрацепция всего лишь гуманный способ уничтожения потомства. Он снимает комплекс вины с женщины и врача гинеколога, но не более того. Тут что в лоб, что по лбу. Можно срубить росток, а можно не посеять семечко. Результат один – голое поле.

Я иногда думаю, что на самом деле Господь бог бесконечно добр к людям. Его законы запрограммированы на создание добра и только. Отсюда можно сделать еретический вывод, что бог вообще не делает людям никакого зла, не мстит и не наказывает. А зачем? Человеку достаточно отказаться от заповедей божьих, чтобы организовать самому себе кару небесную, да такую, что черти в аду, с их примитивным лизанием сковородок, обзавидуются. Иначе говоря, всякое социальное зло порождается отсутствием добра. Давно замечено, что нравственно здоровое общество переживёт любую катастрофу, и выйдет из неё окрепшей. А безнравственное общество обречено. Оно способно погибнуть от любого неблагоприятного фактора, и как трухлявый пенёк рассыпаться от случайного толчка. Отсюда можно сделать вывод, что Господь Бог покровительствует только организованным коллективам людей, а на частную жизнь его влияние опосредовано через общество. Это создаёт коллективную ответственность и за распределение добра, и за концентрацию зла в общине. То есть зло, совершённое преступником, так или иначе неизбежно оборачивается возмездием. Если преступник его избегает, то оно обрушивается на его детей и близких, а также тех, кто ему помог избежать наказания. Дети отвечают за родителей, и ещё как. В библии не зря упоминаются семь проклятых поколений. Общество, где перестали наказывать преступников, обречено. Оно умирает как организм утративший иммунитет. Остальные выводы нетрудно сделать самостоятельно.

– Родион Алексеевич, вы случайно не семинарию заканчивали?

– Нет, нет. Я не духовное лицо, и не претендую на это. Всего лишь общие понятия. А консерватором я стал совсем недавно, старею, должно. Извините за несвоевременную лекцию, это всё газеты. Люди вы хорошие, и через неделю забудете, что я вам тут наплёл.

– Какие газеты?

– Любые. Профессор Преображенский правильно советовал не читать советских газет. Что бы он сказал о нынешней прессе? Я сегодня прочитал о легализации всякой мерзости в Европе, преподносимой как достижение свободы и демократии, вот меня и понесло.

После ухода притихших Мельниковых мы перешли в переднюю. Даша вдруг хихикнула и сказала:

– Я теперь знаю, почему тот лектор подался в священники.

– Ну, тогда я ещё не был таким грамотным, и всё было проще. Я показал ему один фокус, а он впечатлился. Кто ж знал, что оно на него так подействует.

– А что за фокус?

– С цветком. По правде говоря, я до сих пор сам не знаю в чем там дело, и как он получается, но при случае покажу его.

Родион сходил на перекур, а после этого перешёл к воспоминаниям.

Мы и вправду были здоровыми детьми. Наши родители в большинстве своём тоже не сомневались в здоровье своих чад, и если кто-то из ребятишек вдруг начинал жаловаться на недомогание, то они, прежде всего, подозревали симуляцию, и чаще всего оказывались правы. Родители, конечно, следили за нашим здоровьем, но, в основном санитарными методами – приучали к гигиене, предупреждали заражение глистами и насекомыми паразитами, а летом жестоким образом сводили цыпки на ногах. Симуляция болезней ребятами не порицалась, потому что этим искусством владели немногие. Подводило незнание симптомов болезней, ведь большинство ребят не имело понятия даже о головных болях, ну, разве что от шишки после удара, но это не то. Большинство попадались уже на стадии натирания подмышек горчицей для повышения температуры. Я в эти игры даже не пытался играть. Сопли у малышей или чирьи считались не болезнями, а временными неприятностями.

А чего бы нам не быть здоровыми? Мы были закалёнными детьми природы. С первой травки весной, и до первых морозов осенью ходили босиком. Купаться начинали в марте месяце, бывало, лёд в камышах, а мы друг перед другом хвастаем, и лезем в речку «воду греть». Зимой на речке за станицей устраивали каток, и когда набирались команды, то на коньках спускались туда и играли в хоккей. При этом частенько кто-нибудь проваливался в полынью, замаскированную тонким льдом. Это считалось рядовым неприятным случаем, но уж никак не ЧП. Тут же быстренько разжигался костёр, пострадавший раздевался догола, накидывал на себя чью-нибудь шубейку, и сушил свои вещи. Переодевшись в подсохшее, он, как ни в чем, ни бывало, включался в игру. И хоть бы один потом чихнул. Родителям об этих эпизодах старались не рассказывать, так как дело могло закончиться ремнём. Сашку Васильева из-за его порока сердца мы просто боялись. Имея смутное представление об этой болезни, мы на всякий случай не пускали его играть в футбол и прочие подвижные игры. Бедняга чувствовал себя изгоем, и просился хотя бы постоять на воротах, но мы были непреклонны. Мало ли что? Вдруг мячом по сердцу попадётся? Отвечать за него не хотелось никому, да и жалко парнишку.

Что касается питания, то оно действительно было экологически чистым. Другого не имелось. Растущему организму требуется много пищи, поэтому отсутствием аппетита мы не страдали, и еда для нас была не на последнем месте. У меня от тех лет запомнилось постоянное чувство лёгкого голода. Нет, не то. Скорее это была постоянная готовность перекусить, чем бог послал. Бог посылал редко и понемногу, поэтому мы заботились о провианте сами, и, отправляясь на природу, запасались харчами, например бутербродами с маслом или вареньем, а коробочка с солью всегда была при себе. Маршрут выбирался так, чтобы где-нибудь чем-нибудь можно было полакомиться. Сад, огород, богатая шелковица, гороховое поле и просто дикие заросли ежевики или паслёна. В речке были раки. Мы разбирались в съедобных растениях, во всяких «козликах» и «калачиках», поэтому в степи всегда находили чего-нибудь пожевать. Казалось бы, что может быть интересного в потемневшей камышовой стрехе? Но мы знали, что там можно отыскать вкуснейший цветочный мёд. Есть такая порода пчёл, которые живут не роем, а поодиночке. Вот они и забивают мёдом пустотелые камышинки, заклеивая отверстие аккуратно обрезанным листиком. Уж чего-чего, а витаминов мы потребляли в достатке, и на необитаемом острове выжили бы наверняка.

Наши мамы и бабушки применяли заячью стратегию. Как правило, все животные кормят молоком только своё потомство. Хоть корова, хоть овца, отгоняют чужого сосунка. Зайцы являются исключением из правил, так как у них существует перекрёстное кормление детёнышей. То есть, спрятавшегося зайчонка кормит молоком любая пробегающая мимо зайчиха. Точно так же наши женщины без всяких церемоний сажали за стол вместе с сыном и его друга, если он попадался под руку. Для наших родителей, переживших войну и голод, еда была приоритетной ценностью. Поэтому многие жили принципом: – «Пусть всё латками обшито, лишь бы брюхо было сыто». То есть все, и богатые, и бедные питались одинаково

хорошо. Пища была обычная, без изысков – борщ, котлеты, мясо с картошкой, компот, имеваемый взваром. Сладости тоже были обычными – мёд, варенье, а нам хотелось того, чего не было дома – магазинных конфет, печенья, шоколадок и пряников. Этими вкусностями мы наедались три раза в год – на 1 мая, Седьмого ноября, и на Новый год. Ребятам из семей побогаче магазинные сладости были доступны и в другие дни, но у большинства детей карманных денег почти не было. Однако ребята мы были предприимчивые, и старались заработать лишнюю копейку любым дозволенным способом. Я, Максим и наш одноклассник Вовка Рамазанов охотились на сусликов. Одно время на выгонах их было пруд пруди. Мы их выливали. У нас была железная бочка, которую мы прятали за колхозной пилорамой. Наполнив бочку водой, мы катили её в степь за станицу. У каждого была своя функция. Я был начальником бочки и водолеем. Рамазан ловцом зверьков, а Максим занимался убийством и снятием шкур. У Рамазана была опасная работа, так как иногда вместо суслика из норки выскакивала гадюка, но он отличался хорошей реакцией. Подсохшие шкурки мы несли заготовителю, и получали за них от десяти до тридцати копеек за штуку. Заготовители хорошо знали наши желания, и часто вместо денег предлагали пряники и леденцы в жестяных коробках. Ах, эти монпансье! У нас их называли «лампасье».

Чтобы лучше понять ту атмосферу, расскажу про случай с Толей Блинковым. Про Толю я уже рассказывал. Это тот самый инженер Толя, который через много лет без повода бросил семью и стал банкиром. В детстве он выделялся страстью к карточным играм, особенно в рамс, и не более того. Вообще-то дело не в нём, а в его матери. Она была паникёршей и тряслась над Толиным здоровьем, а он этим умело пользовался. Однажды Толя чего-то объелся, и его пронесло. Мать забеспокоилась, стала его выспрашивать, и Толя пожаловался на боли в желудке. Женщина взволновалась, и, бросив все дела, потащила его в больницу, где у Толи обнаружили небольшое кишечное расстройство, да и то в прошедшем времени. Даже касторка не требовалась, но родительница не успокаивалась, и требовала более глубокого обследования. Тогда врач, видимо, желая избавиться от назойливой дамы, сказал, что у Толи имеется катар желудка (раньше так называли гастрит) в лёгкой форме, и назначил кисломолочную диету, решив, что пара дней на простокваше принесёт несомненную пользу жирному мальчику. Уже дома мать подправила назначение врача, и заменила простоквашу сметаной. А чтобы не есть одну сметану, к ней было добавлено печенье.

На следующий день мы впятером отправились в клуб на дневной сеанс. Завезли «Великолепную семёрку». По пути к нам присоединился и Толя. В правой руке у него была матерчатая сумка, а на левой руке красовались отцовские часы «Победа», на которые он время от времени поглядывал. По дороге в клуб он рассказал, что тяжело заболел катаром желудка, и вынужден по часам принимать лекарство, которое носит в сумке. На обратном пути Толя посмотрел на часы, присел на пенёк в Школьном сквере, и объявил, что настало время принять лекарство. Мы удивились тому, что лекарством оказалась добрая сметана и вкусное печенье «Привет», но чего не бывает? Расположившись возле Толи полукругом на травке, напряжённо и молча, мы смотрели на процесс еды. Никому и в голову не пришло, что Толя мог бы и угостить вкусеньким своих приятелей, ведь он не ел, а лечился. Если товарищ пьёт назначенную касторку, то не будешь же просить его поделиться? Так и тут. Лишь самый младший Женька несмело спросил:

– Толь, а как оно, с желудком-то?

Толя впервые оказался в центре общего внимания и почувствовал себя героем. Многим людям хочется выделиться из массы и стать популярным человеком. Годятся любые способы, даже наличие редкой болезни. Толя не спеша закрыл литровую банку со сметаной и обвёл всех усталым мученическим взглядом, говорящим о том, что его окружают тупые здоровяки, не разбирающиеся в тонкостях аристократических болезней. Вслух он сказал:

– Да уж! Непросто. Катар, это тебе не понос какой-то. Диагноз! Бабкам лечить его не по силам. Это не настойку деревея дать. Только врачи. И ещё неизвестно чем кончится. И когда.

Опечаленные Толиной судьбой, мы продолжили путь в молчании. Завяли даже восторги от фильма. Впрочем, смотрели мы его уже не в первый раз.

Однако противоядие от Толиного закидона нашлось быстро, и обнаружил его я. Причём не специально. На следующий день мы отправились на речку. Толя со своей сумкой тоже был с нами. Обеспокоенный состоянием Толиного здоровья, я стал о нём заботиться. Не зная точно, что для Толиного желудка вредно, я, на всякий случай, исключил всё, кроме разрешённой сметаны с печеньем. Свои добрые намерения я подкреплял действиями, то есть отнимал у него все посторонние продукты, и буквально вырывал изо рта всякие груши и сливы, которыми он готовился убить свой желудок. Ребята подумали, что это такая хитрость, и охотно поддерживали игру. Должно быть, насильное делание добра не такое уж и добро. Сколько раз мне случалось делать людям добро, за которое на меня потом злились, а порой даже ненавидели. В этот раз тоже так. За проявляемую о нём заботу Толя обозлился на меня, и даже рассвирепел. Он с удовольствием бы меня побил, но зная, что не одолеет, только ругался почём зря, мол, кто ты такой, чтобы указывать. Я ему ответил так:

– Толя, дома ты можешь жрать хоть крысиный яд, там мы за тебя не отвечаем. А здесь другое дело. Сам сказал, что катар дело аховое. Съешь что-нибудь не то, и лапти откинешь. А спрос с кого? С нас. Твоя же мама и скажет, что мы специально тебя накормили. Нет, дружок. Ешь свою сметану, так нам всем спокойно будет.

Печенье со сметаной вкусное блюдо, но приедается, если всё остальное под запретом. Толя сломался на утке. С утиной фермы время от времени утки сбегали на волю. Мы переводили их в разряд диких, и при случае отлавливали, чтобы съесть всей компанией. Вот в тот раз такая свободолюбивая утка и попалась нам в камышах. Время хватало, и мы испекли её в глине. Опыт в этом деле имелся, и когда разбитая глиняная корка удалилась вместе с перьями, то по бережку поплыл такой запах, что рот мгновенно наполнился слюной. И когда стали делить утку на части, разламывая мягкие косточки, Толя не выдержал:

– Ребята! Не болит у меня желудок, и нет никакого катара. Это я матери набрежал, а она и поверила. Дайте мне хоть крылышко, а сметану с печеньем поделим на всех.

Пару дней он угощал нас этой классной сметаной, а потом попался на колбасе и лафа закончилась. Когда он наведлся к своей бабушке, она делала домашнюю колбасу. Толя уплёл с полкило этой жирной колбасы, а на боли в желудке пожаловаться забыл. Бабушка рассказала про отменный аппетит внука, и матери всё стало ясно. Один раз, но очень чувствительно она вытянула его широким ремнём. Рука у неё была тяжёлая, и Толя навсегда вылечился от катара желудка, а заодно, и от симулирования болезней вообще.

Есть ещё один важный момент. Бытовая свобода. Она у нас была, и это нужно учитывать. Наша жизнь была заполнена обязанностями, которые с возрастом увеличивались. Школа, уроки, домашние работы и прочее, но несколько часов оставалось на досуг. Это досужее время и было временем личной свободы, которой я мог распоряжаться по своему усмотрению. Родительская воля и надзор на это время становились минимальными, то есть родители не могли указывать, что и как мне делать в моё свободное время. По своему личному желанию я мог читать книги, слушать музыку, возиться с техникой, заниматься спортом, ходить к друзьям или в клуб, и гулять где хочу. Достаточно было сказать, куда я отправился, на случай, если меня кто-то будет искать. Родители просто-напросто нам доверяли, а это воспитывало самостоятельность и уверенность в своих силах. Конечно, были и такие родители, которые старались контролировать каждый шаг своего ребёнка и сами выбирали ему друзей. Если такой мальчик не поднимал в своё время бунт, то, как правило, вырастал подкаблучником.

О моём здоровье заботилась бабушка Фрося. В её арсенале было всего два лекарства – керосин и пищевая сода. И этого было достаточно. Керосин был универсальным кровоостанавливающим и дезинфицирующим наружным средством при всяких резаных и колотых ранах. Сода была универсальным внутренним средством. Животом я страдал нечасто, в основном от ожога в раннем детстве, а в таких случаях сода действительно помогает и хорошо очищает пищеварительный тракт.

Многие люди считали бабушку Фросю ведьмой. Это полная чепуха, потому что бабушка не знала никаких таких колдовских штучек. Поводом к такой молве могла послужить характерная бабушкина внешность. На фотографии в годы своей молодости она была красивой и статной казачкой. Военные и послевоенные невзгоды сказались на бабушкиной фигуре, она стала худой и жилистой. Однако на её крепком здоровье это не отразилось. Вдобавок к фигуре прилагались резкие складки лица, сурово поджатые губы, речь басом и пронзительный взгляд, которые и создавали общее впечатление. Мне трудно судить объективно, для меня в бабушкином облике не было ничего зловещего, но когда я был маленьким, ребята говорили, что бабушка Фрося здорово похожа на сказочную Бабу-Ягу, и спрашивали меня, как я не боюсь с ней жить. Но был ещё один нюанс.

Хотя человеком она была своеобразным и поведением отличалась временами эксцентричным, но жадной не была. Соседи завидуют урожаю на её грядках, думают, что сорт капусты или помидор какой-то особый. Семян у неё просят, а ей не жалко, даёт, да только ни у кого такого не вырастает. Значит что? Вот и повод для слухов.

Однажды посеял я морковку, да небрежно, густо. Взошла она буйно, а бабушка заставляет меня всходы прореживать, иначе из-за недостатка пространства морковь вырастет никуда не годными тонкими густыми хвостиками. А мне неохота этим муторным делом заниматься. Поводил я руками по зелёным метёлкам, да и говорю:

– И чего с ними возиться, бабушка? Вырастут и так, будь здоров.

Она неожиданно согласилась:

– Ну и ладно. Иди Радивон куды хотел. Ежли на речку, то я тебе сала отрежу, и хлеба возьми. Нечего на одних хруктах сидеть, силу потеряешь.

А мне того и надо. Чего-то я замешкался, а тут идёт соседка Антипиха. Увидала эту грядку и говорит бабушке:

– Ой, Ивановна, что это морква у вас так густо. По агротехнике надо прореживать.

Баба Фрося зло отвечает:

– Иди отсель! Агротехнику применяй на своём гароде. А у меня и без неё уродить.

И ведь уродилась вполне нормальная морковка, земля только вспучилась. Та же Антипиха поахала, попробовала морковку на вкус, и попросила у бабушки семян. Вот и почва для суеверных разговоров.

Поступки бабушки частенько были, как сейчас говорят, прикольными. Когда я учился в начальной школе, она запретила будить меня по утрам. Просто не подпускала ко мне родителей со словами:

– Нехай дитё спать сколько хочет.

Из-за этого я регулярно опаздывал в школу. Учительница вызвала мать, и та ей объяснила ситуацию, мол, невозможно договориться со старорежимной бабкой. Тогда Наталья Семёновна решила разобраться сама и пришла к нам домой. С неизменной палкой в руке бабушка встретила её во дворе. Учительница стала интеллигентно объяснять, что ребёнку необходимо учиться, и всё в таком духе, а бабушка ей и говорит.

– И на что ему энта ваша школа? Ему и так бог всё даст. Иди отсель сатанинское отродье!

Учительница попыталась что-то возразить и доказать, но баба Фрося без лишних слов натравила на неё кобеля, и он порвал ей платье. Был скандал, но с той поры никто не рисковал

приходить к нам домой на разборки, даже члены родительского комитета, хорошо знавшие крутой нрав бабушки. Проблему с опозданиями решил я сам, научив Бурка лаять по утрам в одно и то же время под моим окном, то есть быть живым будильником. Что интересно, если меня не было дома, то он молчал.

Однажды на улице я нечаянно присадил одному парнишке синяк. Его отец дознался, кто и что, и пришёл к нам домой, но нарвался на бабушку. Она, узнав, в чём дело, сказала ему:

– Ты зачем взрослый дурак лезешь к ребятишкам?

И хрясть его своей дубинкой по башке, он и упал. А она добавила ему по хребту и сказала:

– Они сами разберутся меж собой, а тронешь Радивона, убью!

Понятно, что на улице её просто боялись.

Уж если кто и годился на роль колдуньи, так это бабушка Анфиса, родная сваха бабушки Фроси. Проще говоря, сын бабы Анфисы дядя Андрей был женат на дочери бабы Фроси Марии, то есть моей тётке. Бабушка Фрося дружила с бабушкой Анфисой, а следом за ней подружился и я. Живой, и несколько лукавый взгляд чёрных глаз бабы Анфисы как-то не соответствовал её возрасту. Она слыла гадалкой и знахаркой, и внешность её соответствовала этой роли, так как бабушкино лицо могло принимать демоническое выражение. В моей жизни она сыграла особенную роль, и оставила о себе добрую память.

Жили они от нас в некотором отдалении на другом краю станицы, обитателей которого звали «Димитровцами». До укрупнения там располагался колхоз имени Димитрова. В большом дворе стоял шелеванный дом, где жили супруги с дочками Леной и Зиной, и небольшой флигель, где обитала бабушка Анфиса. Там ей никто не мешал. Но и стол, и хозяйство у них было общим. Держали корову и приплод, а также поросёнка и прочую мелкую живность. Как и у многих станичников кроме огорода имелся небольшой сад. С дядей Андреем и тёткой Машей у меня были очень тёплые отношения, сохранившиеся по сей день, а двоюродных сестёр я игнорировал из мальчишеского шовинизма. Лена была чуть старше меня, а Зина немного моложе. Они на меня злились, и из-за дружбы с бабушкой дразнили бабским побздюхом. Позже мы подружились, а что толку? Замуж повыходили, и разъехались кто куда.

С какого-то момента баба Анфиса обратила на меня внимание. То ли она сама разглядела мои способности, толи баба Фрося проговорила, но она стала явно меня привечать. При всяком случае звала в гости и усиленно прикармливала, а готовила она тоже отменно. Всё началось с мелочей – посадить дерево, полить грядку с лекарственными травками, насобирать в поле кукурузных рылец или накосить возле речки «пастушьей сумки». Но чаще всего привлекала по животноводству. Коровы меня слушались, и баба Анфиса научила меня многим полезным умениям. Например, доить коров и коз. А также лечить у них маститы и другие болячки. Интересно, что приготовление лекарств и некоторые лечебные процедуры сопровождались заклинаниями и наговорами. Их тексты казались мне глупыми и примитивными, но видимо сила их воздействия была не в этом, и, в конце концов, я их просто вызубрил. Некоторые лекарства бабушка делала на молочной основе, и в таких случаях она просила меня помочь. Бормоча заклинания, я доил корову в специальную миску, которую держала бабушка. Это молоко она сливала отдельно, и готовила из него лекарство. Назначалось и людям, и животным. Как ни странно, многим помогало. В первую очередь бабушка взялась за Нину. Моя квёлая сестричка после этого заговорённого молока окрепла буквально за месяц. Она стала хорошо кушать и болезни стали обходить её стороной.

Конечно, растирание вымени камфарным маслом само по себе даёт лечебный эффект, но если это делал я, да ещё заранее наговорённым снадобьем, то результат был стопроцентным. Я уже не удивлялся, когда бабушка Анфиса просила меня помочь чьей-нибудь коровке отелиться. Я успокаивал животину, уговаривал подняться, и процесс завершался благополучно. Мудрая бабушка Анфиса рекламу мне не делала, я был у неё вроде подмастерья.

Более того, опасаясь насмешек, я тщательно скрывал ото всех эту сторону моей деятельности. И вообще, о средневековых оккультных штучках лучше всего было помалкивать. Обо всём знала одна баба Фрося, но она была не из болтливых.

Через несколько лет я вдруг обнаружил, что под руководством бабушки Анфисы прошёл курсы целительства, так как оказался способен применять на практике некоторые умения. А также выяснилось, что многие сведения остались в памяти. Обучала она меня в атмосфере необязательности, как бы мимоходом, и больше показом, чем рассказом. Она никогда не заставляла чего-то запомнить, но странным образом всё запоминалось само собой.

Первое, это травы. В жилых комнатах бабушка трав не держала, но в чулане и на горище от заготовленных растений стоял особенный запах. Многие из них я уверенно определял по внешнему виду, но правильных названий не знал, потому что бабушка называла их местными именованиями. Это аверьянка, архитон, петров батог, воловий хвост, ермуток, коник, жабрей кузмич-трава и ещё с полсотни подобных названий. Много позже я узнал, что белокопытник это мать-и-мачеха, буркун – донник, семиколенник – хвощ мочегонный, сузык – зверобой, бирючина – крушина, декохт – сабельник и так далее. Васильком звали и шалфей, и мелиссу, и вязиль. А уж молочаев имелось целое семейство – жёлтый, кошиный, конский, красный, польский, ленградный, и это ещё не все.

Бабушка не была профессиональным костоправом, но кое-что в этой области умела. Она показала мне, как нужно вправлять простые вывихи, и как обращаться с прочими неполадками в костях и суставах. Но главное, это постановка диагноза. Больше всего времени ушло на изучение этого искусства. Заболевшая скотина не может сказать, где у неё болит, но есть симптомы, которые нужно увидеть и истолковать. Иной раз всё на виду, но чаще всего болезнь выявляется осмотром глаз, носа, пасти, суставов животного и прощупыванием органов. Даже состояние шерсти и копыт способно дать информацию. Бабушка объяснила мне, что люди в этом плане не сильно отличаются от животных. Они умеют говорить, но часто сами толком не знают, что у них болит. Жалуются на сердце, например, а лечить надо желудок. Куда больше о здоровье скажут его глаза, ногти, волосы, цвет кожи, язык и биение пульса. Дольше всего она учила меня умению слушать пульс. Долгое время она только вздыхала, но когда я подрос, после удачного прослушивания одной тётки бабушка меня похвалила, и больше с этим не приставала. Научила сводить бородавки, чирьи и «сухой мозоль», причём несколькими способами. А самое главное, научила в каких случаях пациента нужно безотлагательно отправлять к врачу. Она не корчила из себя всемогущую волшебницу, и если подозревала у человека серьёзное заболевание, то прогоняла его в больницу к соответствующему специалисту. Денег не брала, но от символического подарка не отказывалась. А вот на картах гадала исключительно за деньги.

Бабушка Анфиса ничего от меня не скрывала, и когда я заинтересовался гаданием, без долгих разговоров ему научила. Усмехнулась и сказала, что я этой ерундой всё равно не буду заниматься, не мужское это дело. Так оно и вышло, но один раз я всё-таки погадал.

Двор начальной школы летом пустовал, и ребята с девочками постарше собирались в нём на посиделки с патефоном. Радиолы уже были, но патефон удобен тем, что ему не нужен источник питания. Его приносил мой старший приятель Витя, живший неподалёку. Витя, зная моё ответственное отношение к технике, доверял мне этот музыкальный автомат, и поэтому я единственный из мелкоты присутствовал на этих посиделках. В сумерках начались танцы, а я ставил пластинки. Однажды Витина школьная любовь Надя сказала, что хочет научиться гадать в карты. Я обещал научить её, и дело за самими картами. Нашлась новая колода (игранные карты не годятся), мы отошли в сторонку, и я преподал Наде урок. Объяснил последовательность действий и значение каждой карты, а затем произвёл тренировочное показательное гадание. Всё было вроде как понарошку. Я составил расклад и расшифровал его согласно канону. Нагадал я ей много чего, в частности, что она выйдет замуж

за Витю, но другого, у неё будет одна дочка, и всё в таком духе. Я этот случай забыл, но не забыла она. Через много лет при встрече, Надя как-то странно посмотрела на меня, и сказала, что помнит то моё давнее предсказание до слова, потому что всё сбылось до деталей.

Спустя время я понял, что сама по себе техника гадания ничего не значит, и перекладывание бумажек всего лишь отвлекающий манёвр. Главное, это толкование. Бабушка Анфиса от природы была хорошим психологом, гадала она не по картам, а по выражению лица и по другим внешним данным, которые опытному глазу могут рассказать очень многое. Время от времени бабушка гадала на пропавшие вещи, и часто находила их. Вряд ли разложенные на столе картинки могли подсказать бабушке о местонахождении пропавших золотых серёжек, мужниной заначки, или самого пропавшего мужа. Она пользовалась дедуктивным методом Шерлока Холмса, хотя книг о нём и не читала. Кроме того бабушка умела находить самые неожиданные и нестандартные решения. Именно так она вытащила меня из огромной беды, причём без всяких магических штучек.

Мне тогда лет десять или одиннадцать было, помню только, что по нашей улице электричество ещё не провели. Среди наших вечерних забав была игра «казаки-разбойники», своего рода коллективные жмурки. Делились на две команды человек по восемь или больше и оговаривали район действий. Затем одна команда пряталась, другая искала. Разрешалось использовать любые подвалы, чердаки, и всё что угодно, лишь бы на оговоренной территории. Игры эти были не совсем безобидны. Лазая по чужим подвалам, мы частенько лакомились там сметаной или мёдом, но аккуратно, без паскудства. Хотя иной раз и шалили. Помню, спёрли у одного мужика с чердака окорок и, объединившись, всей компанией съели его под мостом. Но тут был элемент мести, хозяин окорока был вредным дядькой.

Был в ту пору у меня товарищ одноклассник Максим. Да я про него уже рассказывал. Максим не имя, а благородная кличка. Почему благородная? Так ведь его по фамилии Куркин могли и Окурком назвать. Прозвище это он получил после выхода фильма «Максим Перепелица». Он часто цитировал героя фильма, вот и удостоился. Это был чернявый энергичный и пронырливый хлопец из тех, кто первый узнаёт новости, первый смотрит фильм, а потом взахлёб его пересказывает. Он много читал, был эрудирован, и у него постоянно возникали идеи, часто идиотские, но он ухитрялся втягивать меня в их исполнение. Но как-то так получалось, что потом шишки доставались мне, а он оказывался в тени. Ну, конечно, и у меня была кличка. Вполне приличная – Лысый. Из-за близости к животным мать опасалась насекомых паразитов, да и просто, чтобы не мучиться с причёской, меня долго стригли машинкой налысо. Отсюда и прозвище.

В тот вечер нашей команде довелось прятаться. Разбившись на мелкие группы, мы отправились искать потайные места. Максим сразу предложил мне залезть в погреб Григория Ивановича, местного чина в исполкоме. Последние дни вокруг него ходили какие-то слухи, но мы были далеки от взрослых проблем. Аргументы «за» Максим привёл крепкие:

– Сразу не догадаются, а раз он начальник, то погреб не пустой, вкусенькое найдётся.

Погреб у нас делали отдельно от дома во дворе под низенькой пристройкой с дверцей, именуемой погребком. Фонарики у нас были, но чтобы себя не обнаружить, мы их не включали, и лезли к погребке на ощупь. Когда открыли ляду, почуялся характерный запах, и Максим шёпотом предположил, что должно быть крыса отравилась. Вниз уходила верёвка с чем-то тяжёлым, и Максим предположил опять:

– Наверно ведро с водой, а в нём бидончик со сметаной. Лезь первый.

Я спустился в погреб и зажёл фонарик, чтобы осмотреться. Посветив под ноги, я увидел край бочки и много окурков Беломора возле неё, а когда поднял луч света выше, то в десяти сантиметрах от лица увидел повесившегося на той самой верёвке Григория Ивановича, с огромным высунутым языком, и уже попахивающего. От ужаса я выронил фонарик и с диким воплем опрометью кинулся наверх, сшиб Максима с ног, и бросился бежать. Мак-

сим, подхваченный паникой, следом. Домой прибежал, а сказать ничего не могу – заикаться начал. Кое-как с Максимовых слов поняли, что в этом погребе что-то запредельно страшное. Всполошили народ и обнаружили пропавшего человека. Оказывается, накануне Григорий Иванович таинственно исчез с работы. Жена забила тревогу, и к поискам подключилась милиция. Искали везде, но в свой собственный погреб заглянуть никто не догадался. Эта мрачная история так и осталась тайной. Схоронив Григория Ивановича, его жена всё распродала, и уехала с дочкой из станицы навсегда.

А со мной было худо. Я начал сильно заикаться, стал бояться темноты, плохо спать, и мне мерещилась всякая дрянь. К этой встрече я был хорошо подготовлен всякими байками и былинками о вурдалаках, оживших мертвецах, и выходах с того света. Исходили они в основном от пожилых женщин. Не зря есть выражение «бабушкины сказки». В наше время, скорее всего, я попал бы в лапы психиатров, и меня затравили бы таблетками и уколами. Но в те годы в подобных случаях больше обращались к «бабкам», которые, кстати, часто помогали. Бабушка Фрося здорово перепугалась за меня, и немедленно отправила к бабушке Анфисе. Я и пошёл. Бабушка Анфиса была уже в курсе. Я её спросил:

– Переполох будете выливать?

Она грустно покачала головой:

– Нет, Родя, это кому другому, а тебе не поможет. Очень сильно ты спужался, глубоко оно в тебе. Сильное требуется и средство. Клин клином, слышал про такое?

– Какое средство?

– Чижолое. Даже не знаю, хватит ли у тебя духу?

– Хватит! Говорите уже баба Анфиса.

– Раз ты так сказал, то всё, назад ходу нет, а иначе тебе ещё хуже будет. Слухай сюда. Никому ни слова, родителям тоже. Как только свечереет, возьми дома одеяло, какое, или телогрейку, но лучше одеяло, и иди на кладбище. Выбери там место возле старой могилки, ложись, и постарайся заснуть. Будет страшно, но ты наберись терпения и думай о постороннем. И если поспишь хотя бы минут пятнадцать, а може и больше, то всё. Проснёшься и увидишь, что страхов больше нет, и ты не заикаешься. Всё как рукой снимет, и ты снова нормальный человек. Главное, постарайся заснуть, иначе потом опять туда идти.

Что оставалось делать? Мне очень не хотелось оставаться пугливым зайкой, поэтому ближе к вечеру свернул я красное байковое одеяло подмышку, и отправился, куда было сказано. На вопрос матери ответил коротко, что пошёл лечиться. Ну, она-то подумала, что я пошёл до бабы Анфисы на какой-то обряд и вопросов больше не задавала.

Стемнело. Я зашёл на кладбище, но в самую середину не осмелился, и выбрал место ближе к окраине. Умогнулся под старой могилкой, закутался в одеяло, и начал слушать ночные шорохи, крики ночных птиц и смотреть на мелькание летучих мышей. Не буду врать, что было не страшно. Напряжение чувств было на пределе, хотя ничего и не происходило. Такое состояние не может длиться бесконечно. В конце концов, в голову пришла мысль, что если уж до сих пор ничего не случилось, то ничего не случится и дальше. Собственно говоря, трудно представить, что здесь вообще может произойти, ведь сюда даже пьяные не забредают. И под звуки цикад я успокоился. Летние ночи коротки. Не помню как, но под утро я не просто задремал, а впервые за несколько дней крепко и без сновидений заснул. Спал я часов до десяти, пока меня не разбудило солнце. Я встал и ощутил необычную лёгкость на сердце и спокойствие в мыслях. Я понял, что действительно избавился от кошмаров и заикания. Домой я пришёл в полном порядке. Бабушка Фрося, заплакав от радости, пошла заказывать благодарственный молебен. С той поры я совершенно перестал бояться всякой потусторонней нечисти, а также реальных трупов. Это качество часто выручало впоследствии, так как мне неоднократно приходилось бывать в моргах, обмывать и одевать мертвецов, и всё такое.

Много лет спустя, я понял, что метод шоковой терапии избранный бабушкой Анфисой, говорил о глубоком знании психологии. Ирреальную фобию бабушка привязала к реальному и вполне преодолимому страху – боязни не заснуть. Стоило только заснуть, как исчезала вся система фобий. Бабушка точно рассчитала, что на свежем воздухе молодой организм всё равно потянет в сон. Так что всё это «ведьмовство» исходило из опыта и знания человеческой психологии.

3.

Родион приехал через две недели, но Павел Третьяков перехватил его прямо на улице. У них были какие-то дела, и они обсуждали их минут пятнадцать, а затем прошли в квартиру. В скором времени к нам присоединилась Татьяна. С её появлением разговор свернул на педагогическую колею. Татьяна тяжело воспринимала нововведения. Ей не нравились новые программы, учебники, и реформа образования вообще. А когда зашла речь о советской системе образования, Коновалов оживился, и произнёс монолог:

– Насколько я могу теперь судить, воспитывались мы проверенным тысячелетиями методом авторитарного внушения. Но этот метод эффективен только при авторитетных наставниках. Это родители, учителя и вообще любые авторитетные взрослые люди из окружения. Природа человеческого восприятия такова, что даже таблица умножения вызовет сомнения, если её будет излагать никчемный человек. Дети внимательны, и очень быстро начинают разбираться во взрослой иерархии. Порою раньше, чем начинают разговаривать. Я не специалист, но считаю, что до определённого возраста многие понятия нужно не растолковывать детям, а просто внушать. К тому же далеко не каждый взрослый человек способен внятно и коротко объяснить сущность нравственных принципов, так как они по своей природе иррациональны. Верующим легче – бог велел, и всё. Кстати, известное детское стихотворение Маяковского «Что такое хорошо» являет собой пример классического отцовского внушения. Только авторитет позволяет командовать и навязывать свою волю, но не у всех он имеется. Авторитетный человек не может быть хвастуном, робким соглашателем, шутком гороховым и пустомелей. Это серьёзный, знающий себе цену командир. Таких ребята вычисляют с первого взгляда. Иногда кто-то начинает сюсюкать и пытается стать своим среди подростков. Его и воспринимают как недоделанного взрослого. Пьяные тоже лишаются авторитета, но чаще всего временно. К трезвому человеку он возвращается. Должно быть, из-за этого явления пьяницы никогда не бывают примером для ребят. Если потом кто-то из них и сопьётся, то по каким-то своим причинам, а не из-за того, что в детстве видел какого-нибудь пьяного дядю Васю, и решил ему подражать.

О роли взрослого авторитета здорово написал знаменитый Сирил Паркинсон, автор известного Закона Паркинсона. Этот умный англичанин заострил внимание на отцовском авторитете, без которого нормальное воспитание детей просто невозможно. Отец – домашний бог. Его боятся, потому что он сильный, и может любого наказать. В то же время его любят, потому что он сильный, и может всех защитить. Под его властью надёжно и спокойно. Его уважают, потому что он мудрый, и знает как жить. Идея небесного Бога-отца несомненно имеет семейные корни. Авторитетный отец воспитывает детей не нотациями и розгами, а своими делами и образом жизни. В иных случаях самим фактом своего существования в роли успешного человека. Есть много примеров, когда авторитет действует без своего живого носителя. У миллионов вдов дети воспитывались авторитетом своих погибших на войне героических отцов.

Паркинсон совершенно правильно говорит, что жена, подрывающая авторитет мужа, тем самым уничтожает главные рычаги воспитания собственных детей. Наши предки издавна знали, что в одиночку женщина не может воспитать социально зрелую личность, и это было одной из причин женского неравноправия. Женщинам законодательно в той или иной форме, запрещалось подрывать мужской авторитет. Вроде бы помогало.

К сожалению, из советского прошлого утрачено много хорошего. Авторитет учителя, например. В те времена статус школьного учителя был очень высок, не ниже статуса любого районного начальника. Он поддерживался народным уважением, существующим с царских времён. В сущности, педагоги были сословием, которое заботилось о своей репутации, и

высоко держало нравственную планку. Во всяком случае, я не могу припомнить среди них ни одного бракоразводного процесса, не говоря о прочем. К тому же все они в том или ином качестве прошли войну, и не очень боялись чиновников из районо.

Студенты используют словечко «препод», то есть преподаватель. Преподаватель не учитель. Он просто ходячий источник научной информации, и не более того. В институте он на своём месте. Его авторитет иного происхождения. Студенты люди взрослые, сформировавшиеся, и нуждаются не в учении, а в образовании. Это немного разные вещи, и для всего есть свой возраст. А вот препода в школе, это беда. Их несколько разновидностей, но объединяет отсутствие авторитета учителя. Из-за этого преподаваемый материал становится сухим и плохо усвояемым. Профессия учителя изначально мужская, и хорошие учительницы всегда подражают мужскому стилю. У нас был всего один препода среди мужчин педагогов. Прекрасный математик, он совершенно не умел командовать детьми, и на уроках у него творился бедлам. Учительниц преподав было гораздо больше. Преподавательницу ботаники ученики любили, но как хорошую женщину, а не как учителя. Большинство учительниц были «железными леди», но время от времени их подводила излишняя чувствительность... Стать преподам легко. Ученики очень наблюдательны, и если заметили, что учительница поставила незаслуженную оценку, завела любимчика, или купилась на взятку, то всё, авторитет испарился. Даже хорошая учительница может невзначай дать слабинку. Была у нас в школе такая учительница географии. Молодая, а толковая. Всё у неё шло прекрасно, и учёба, и дисциплина, но один мальчик случайно застукал её в укромном месте во время любовного свидания с местным парнем. В самом факте свидания ничего диковинного не было, мальчика поразило то, что любовник был совершенно ей не пара. На свидание приехал на пароконном фургоне. Разодет по колхозному, на голове кепка восьмиклинка с картонным вкладышем, а шаровары на щиколотках перетянуты белыми резиночками. Парень был настолько ей не по чину, что мальчика это потрясло. Он рассказал об этом двум приятелям, те не поверили, и он повёл их на место. Увиденное свидание их тоже поразило, а белые резинки просто добили. Авторитет учителя лопнул воздушным шариком, и всё изменилось разом. Упала дисциплина на уроках, никто не подносил ей карты из учительской. Её нагло игнорировали и держали за пустое место. Перемена была столь разительной, что заплакав, она пожаловалась опытной Адели Михайловне. К тому времени Адели Михайловна уже знала причину падения географички, и всё ей рассказала. Географичка вскинулась:

– Подглядывать мерзко! И какое им дело до того с кем я, и почему?

– Представьте себе, милочка, что в данном случае ребята правы. Хоть и говорят, что у нас бесклассовое общество, это не так. Мы есть советские аристократы, и должны держать марку на уровне. И ребята это чувствуют. Вот если бы вы были там с каким-нибудь офицером, ваш авторитет поднялся бы до небес, и ребята дыхнуть бы на вас боялись от восхищения.

– И, что мне теперь делать? Офицера заводить?

– В станице уже не поможет. Виду не подадут, но эту историю не забудут, а белые резинки не простят никогда. А педагог вы хороший, и в другом месте добьётесь успеха. Решать вам.

Молодая учительница уехала.

Воспитывали нас не одни учителя и родители. Нас воспитывала сама общественная атмосфера с её традициями, запретами и разрешениями. Часто говорят, что раньше люди жили дружнее. Не буду с этим спорить, так как мне представляется более важным другой момент. Меньше было равнодушия и социальной инертности, и больше социальной ответственности. То есть, каждый подросток знал, что за шалость или хулиганство он может огрести подзатыльник от любого, даже незнакомого взрослого мужчины на улице, и это было в

порядке вещей. Однако, несмотря на отсутствие ювенальной юстиции, и прав детей, большинство из нас выросло нормальными и порядочными людьми.

Когда я слышу рассуждения о правах ребёнка, мне хочется себя ущипнуть, ведь речь идёт о том, чего нет в природе. Нет никаких прав у детей просто в силу возраста. У них имеются одни только обязанности – учиться, и слушаться родителей. И с этим обстоятельством ничего нельзя поделать. В истории бывали короли и цари в детском возрасте. Казалось бы, вот уж у кого прав с избытком. Но нет, правили за них опекуны. А английских королевичей могли и выпороть. Правда, для этого были специальные «мальчики для битья», но, говорят, помогало.

Открываем Семейный кодекс Российской Федерации, и видим, что прав у детей нет. Они появляются ближе к совершеннолетию. Заметно, что составляли этот закон псевдогуманисты. Там есть статья, разрешающая забирать детей у бедных родителей. То есть, ни много, ни мало, бедность объявляется преступлением. Откуда весь этот шум насчёт детских прав? Декларация прав ребёнка была принята ООН в 1959 году. Положение детей в СССР соответствовало всем статьям этой декларации. Защита детей обеспечивалась действующим законодательством, и никаких дополнительных законов о детских правах не требовалось. Советскую власть принято охаивать целиком и в частности, а на самом деле у неё было много достижений. Забота о детях, охрана детского здоровья и система образования были лучшими в мире.

В те годы административная комиссия была, по сути, административным судом. Не знаю как в других местах, а в нашем районе она работала очень хорошо. Заседания не откладывались, а суд был объективным и справедливым. Особенно тщательно разбирались дела связанные с детьми. Нерадивых родителей приводили в чувство, стыдили, штрафовали, а если не помогало, то лишали родительских прав. Бывало и наоборот, когда нужно было призвать к порядку распустившегося подростка, с которым не могли сладить родители. В большинстве случаев хватало проработки на заседании комиссии, но если паренёк не понимал, то его могли отправить на годик в специальный интернат для трудных подростков. Это был своего рода дисбат для неподдающихся. Случалось это очень редко, но оттуда они возвращались как шёлковые.

Право, его формы произошли от права на владение имуществом, и эта связь всегда сохраняется. А в народе она известна с давних пор. Взять курение. Все родители запрещают детям курить. Сейчас это смазано, а раньше было чётко. Право открыто курить молодой человек получал вместе с другими правами только тогда, когда начинал зарабатывать деньги. То есть курить можно только на свои деньги. Не карманные, не случайные и подаренные, а на заработанные регулярным трудом. Вот и получалось, что иной пастух в четырнадцать лет мог курить не таясь, а какой-нибудь студент и в восемнадцать прятался с сигаретой, да ещё и рисковал получить от родителя по шее.

Я уверен, что права детей просто-напросто разрушают семью. В прошлом году ко мне должен был приехать товарищ из соседнего района, но приехать не смог, и рассказал по телефону, почему не смог. Накануне Артём, так его зовут, после обеда прилёг вздремнуть, а его сын третьеклассник вытащил у него ключи, открыл гараж, завёл машину, и, выезжая из гаража, хорошо зацепил соседскую иномарку. За это дело Артём выпорол сорванца офицерским ремнём. Дети умны и наблюдательны, и если подворачивается разрешённая возможность улучшить своё положение в семье, некоторые ею могут воспользоваться. Отпрыск, слышавший на уроках о своих правах, пошёл к директору и показал следы от ремня. И началось. Артёма срочно вызвали в школу, комиссия, и, в конце концов, его хорошо оштрафовали за жестокое обращение с ребёнком. На следующее утро он спрашивает у сына, мол, чего он в школу не идёт, а тот нога за ногу, разлёгся на кровати, и нагло заявляет, что пойдёт в школу только после того как Артём выдаст ему двести рублей. Разъярённый мужик схватил

сына за ухо, отволол в школу, и в таком виде затащил его в кабинет директора. Объяснил, что произошло, и сказал:

– Раз вы такие умные, даёте соплякам права, по которым их невозможно воспитывать, то забирайте его, кормите и одевайте.

Директор успокоил его и попросил не таскать больше мальчика за ухо, а беседовать с ним, а то и в самом деле можно будет лишиться родительских прав. Артём был в отчаянии. Идея просилась на язык, и я тут же изложил её Артёму. Он воспрянул духом и удивился, что до такого не додумался сам, а нужные знакомые у него имелись. Артём созвонился со своей бывшей одноклассницей, и обо всём с ней договорился. Она жила в соседнем районе и работала директором детского дома. Через день он посадил сына в машину и повёз его на экскурсию. Зайдя во двор детдома, Артём объяснил сыну, что привёз показать ему место, где он будет жить после того, как опекуны правозащитники заберут его из семьи. Вместе с директрисой они обошли территорию и осмотрели помещения. Одноклассница Артёма смотрела на его сына с нескрываемым отвращением. Артём посадил сына во дворе под грибок, а сам отошёл поговорить с директрисой. Воспитанники окружили грибок и уставились на прибывшего незнакомца. Начала их беседа Артём не слышал. Он попрощался с подругой и пошёл на выход. Подходя к грибку, Артём услышал, как худой высокий мальчик с выбитым зубом говорит его сыну:

– У нас живёт один дебил, который сам отказался от родителей. Сейчас он каждую ночь писается. И ты будешь писаться.

У сына затравленно бегали глаза. А когда Артём подошёл, то мальчик лет восьми сказал ему:

– Дяденька, возьми меня на воспитание. Я не стукач, гадом буду! Только не бей меня железной цепью, а ремень я потерплю.

Артём погладил его по голове и сказал, что подумает. Тут его сына прошибло, и у него случилась истерика. Он обхватил Артёма, и сквозь рыдания без конца повторял: – «Папа, поехали домой». С того дня сына будто подменили и вся правозащитная дурь слетела с него в один момент. До него дошло, что дорожке отца, матери и родного дома нет ничего. А того мальчика из детдома Артём вскорости усыновил. Жена вначале возражала, но Артём настоял. А через некоторое время она полюбила хлебнувшего лиха приёмьша.

Выслушав эту историю, Татьяна грустно сказала:

– В моей школе многим ученикам требуется такая экскурсия.

Павел заметил:

– Татьяна не препод. У неё нет любимчиков, она не берёт взятки, и никому не кланяется. Давит авторитетом, но последнее время всё слабее. Новый директор её не жалуёт за отношение к нововведениям, и как бы ей не пришлось менять работу.

– Реформа образования, это явление природы и митинговать против неё всё равно, что митинговать против зимы. Кричи, не кричи, а морозы грянут. Смена социальной модели требует смены системы образования, и требование оставить советское образование в демократической России похоже на то, как если бы полковник, разжалованный в майоры, стал требовать для себя права носить папаху. Беда в том, что лучшее приходится менять на худшее, и что бы это затушевывать, французскую ублюдочную систему образования, которую вводят в России, называют передовой и прогрессивной. Я хочу сказать, что с общей тенденцией бороться не собираюсь, а на частном уровне за место под солнцем для Татьяны Анатольевны можно и повоевать. Приготовьте мне кое-какие данные, а способ прижать вашего директора я найду.

Впоследствии он и в самом деле прижал этого директора, но это другая история.

История с Перелазовым? С Лучковым встретилась, а он, значит, так ничего и не рассказал. Вообще-то мужик он хороший, дай ему бог долгих лет. Время от времени я сталкивался с милицией, но мне везло на нормальных сотрудников, которых, надеюсь, как и везде большинство. Конечно, там работают и гады, а где их нет? Даже среди экскаваторщиков попадают.

Ну, что ж! Перелазова уже нет, поэтому можно и рассказать. Этот вопрос долго мучил завуча Владимира Степановича. Он, слава богу, жив и относительно здоров. Года два назад мы с ним во дворце культуры в шахматы играли, вот тогда он и пристал, чтобы я всё рассказал. Ну, я ему и поведал, в чём там дело было. Поудивлялся он и говорит:

– Что ж ты, паразит, раньше молчал? Мы с учителями чуть не свихнулись от любопытства. Ведь не догадывались, а знали, что ты им какую-то свинью подложил, в этом своём стиле.

– Нельзя было. Слово давал.

– Вот такие нервомотатели и запоминаются. Тысячи учеников в памяти бледными тенями, а тебя помню как вчера. И не я один. Позвоню в Москву Адели Михайловне. Расскажу. Уж она-то тебя не забывает, всегда спрашивает.

История занятная. Мистики в ней не было, просто я тогда Перелазова здорово перепугал. Он потом в отместку ябедничал на меня учителям, и вообще. Заварил эту кашу Лучков, почему и молчит как рыба. Он тогда участковым был, но ещё молодым и рьяным. Я тогда как раз из начальных классов перешёл в пятый класс, и учителя меня ещё не знали. Но это было недолго.

Лучкову поступило заявление по поводу варварски изрезанной волейбольной сетки от гражданки по фамилии Нищеврод. Начав разбирательство, Лучков первым делом спросил у гражданки, кого она сама подозревает в злодеянии, и в ответ получил мою фамилию. Якобы мною сделано это из мести.

Нищевроды жили на нашей улице, и возле их двора была организована волейбольная площадка, где их взрослый сын Лёша с приятелями растягивали настоящую магазинную волейбольную сетку, и стучали по мячу. Нам, пацанам помельче, тоже хотелось настоящего волейбола, но поиграть с сеткой перепадало не часто. В тот день взрослые ребята освободили площадку, и мы решили поиграть. Сетка висела высоко, не по нашему росту, и решено было немного её приспустить. С этой целью я залез на столб, но вышла тётка Тося Нищевродиха и всех прогнала, а меня перетянула хворостиной. Мы ушли, а после сетка оказалась изрезанной, а поскольку мне досталось больше всех, то и подозрение пало на меня. На самом деле я ни сном, ни духом не ведал о происшедшем, и мы с Максимом ещё только строили планы мести дурной бабе, но Лучкову подозрения показались основательными. И на своём казённом мотоцикле он отправился меня искать. Поиск был недолгим, так как он сразу на меня и наткнулся. Я шёл по улице домой, а он, увидев мальчика, остановился, заглушил мотоцикл и окликнул меня. Я подошёл ближе, и он спросил, не знаю ли я Родиона Коновалова. Я сказал, что знаю, так как я он самый и есть. Лучков предложил прокатиться в одно место для беседы. Я не стал возражать, совесть у меня была почти чиста, прокатиться на мотоцикле выпадало не каждый день, и он отвез меня в отделение.

Сейчас такое не может произойти в принципе. А тогда, в начале шестидесятых, порядки были простые, и в чём-то даже патриархальные. И был один нюанс – наследие войн. Оружие и боеприпасы вовсе не были диковинкой, и порой лежали буквально под ногами, только копни. Помню, как-то пошло увлечение оружием, и все ребята принялись выстрагивать деревянные сабли и винтовки. Я тоже этим занялся. Баба Фрося заинтересовалась, чего это я делаю из палки. Я объяснил, что саблю. Она сказала: – «И-и, баловство», и полезла на горище. Покопавшись там, достала откуда-то и вручила мне настоящий кавалерийский клинок, острый как бритва. Он стал предметом зависти не только одноклассников, но и взрослых

мужиков, которые часто просили обменять его на что-нибудь, но я не поддавался и воевал этим клинком с татарником. Отдав клинок, баба Фрося пообещала, что когда вырасту, она покажет зарытые в огороде пулемёт и три винтовки с патронами. Она не совсем привыкла к тому, что войны закончились, и сказала:

– Когда придут, будет, чем отбиваться, а у тебя Радивон глаз верный.

– Кто придёт?

– Хучь кто. Кадеты, а може красные, або немцы. Все ироды.

Эта атмосфера была для меня нормальной.

В тот день я возвращался от Коли Гарбуза, очень далёкого родственника, парнишки немного старше меня. Он с утра зазвал меня показать пистолет. Это был немецкий «Вальтер» небольшого калибра, вполне годный для стрельбы. Были и патроны. Где он его достал, не знаю, пронырливый был. Мы долго изучали его, любовались, и я предложил пострелять. Но Коля был осторожен:

– Народу вокруг много, да и мать, если услышит, то палки даст и заберёт.

Можно было бы сходить в какое-нибудь безопасное место, но в тот день по какой-то причине Колю со двора не выпускали. У меня дома таких проблем не было, возле реки было пустынно, и я выпросил этот пистолет с четырьмя патронами, чтобы пострелять. Коля дал с условием вернуть на следующий день, и естественно, не болтать.

И вот, в предвкушении испытаний, с Вальтером за пазухой, этим пятнышком на моей совести, иду домой, а тут Лучков. Пазуха, это универсальный карман из рубахи или майки, куда можно уложить неимоверное количество всего, но для её создания необходима хорошая подпояска. Можно было ходить в трусах и босиком, но добрый кожаный ремень был обязательным элементом одежды. Имелся он и у меня, а при моём худощавом сложении засунутый за него пистолет был незаметен. Обыскивать же меня милиционерам не пришлось в голову, так как в сатиновой «шведке», полотняных штанах и босиком, я был весь на виду. Да и выражение лица у меня было простецкое, если не сказать туповатое. И начался этот знаменитый допрос.

Самое интересное то, что весь допрос я не имел никакого представления о том, в чём собственно дело, так как ранее ничего не слышал про изрезанную сетку. Лучкову же моё незнание представлялось уловкой. Он не понимал, что попал на педанта, и мои ответы считал проявлением хитрости. Дело происходило в комнате со столом посередине недалеко от поста дежурного, который всё слышал, и по мере возможности помогал Лучкову. Строго глядя на меня через стол, Лучков сказал:

– Я буду задавать вопросы, а ты, Родион должен правдиво и честно отвечать.

– Я брехать не умею, любой скажет.

– Что ты делал вчера?

– Когда именно?

Лучков, привыкший иметь дело с изворотливым элементом, решил начать издалека, в надежде, что я сам проболтаюсь. Точное время преступления не было известно, Лучков задумался, и велел рассказывать про весь день, рассчитывая поймать на нестыковках. Я переспросил:

– С утра, или когда проснулся?

– А ты что, утром не спал?

– Нет, я на рыбалке был. Клёва никакого, я удочки смотал и часов в семь домой приехал. Молока попил, и спать завалился. Приснилось мне...

– Сны не надо. Давай с пробуждения.

– Разбудила меня Верка. Прилетела она часов в десять и постучала в окно. Принесла двадцать копеек, и я дал ей за это кусочек сала.

– На двадцать копеек?

– Да нет, кусочек небольшой, много ли ей надо?

– Не пойму. Прилетела. Сало. Почему?

– Потому что ворона.

– Какая ворона ещё?

– Обычная, которые летают. Я её Веркой зову, она имя своё знает, в ответ каркает. Если где найдёт денежку, то мне несёт.

Дежурный обозвался:

– Ишь ты! Я бы заимел пяток таких ворон.

Летняя жара действовала угнетающе, в том числе и на преступные желания, поэтому в отделении почти никого не было. Время мелких правонарушений наступало ближе к вечеру. Дежурный Кирин не был загружен. Он коротко отвечал на звонки и давал устные справки изредка заходящим сотрудникам. Поначалу к допросу он отнёсся равнодушно, однако по мере развития беседы, стал проявлять к ней живой интерес. Лучков на реплику дежурного поморщился, и стал слушать дальше, а рассказывал я охотно, и строго придерживался хронологии. Первым делом я сообщил, что было на завтрак, и кто его готовил. Затем о том, как пришёл Максим, и мы пошли на речку. Я читал детективы о майоре Пронине и знал, как важны для милиции всякие детали, и старался изложить события подробнее. Поэтому я перечислил не только встреченных нами людей, но и коней, собак, а также все виденные машины.

Лучков не ожидал столь пространного доклада, и несколько раз хотел взбунтоваться, но вспоминал, что сам задал тему, и смирался, кусая верхнюю губу. Милиционер существо терпеливое, если нужно. Я рассказал, как мы наловили раков, испекли их и съели. Хотели поймать желтобрюха, но он смылся в заросли. Дежурный подал голос:

– Удавчик-то вам зачем? Тоже испечь?

– Да нет, мы ж не китайцы, змей не едим. Просто Максиму интересно, что будет со змеей, если её завязать узлом. Я думаю, что она развяжется, а он думает, что она так и останется. Закусили мы в саду яблоками, и пошли на речку Лукьяновку. Туда недалеко, всего три километра. В Камче ужак мало, а в Лукьяновке их водится немерено. Но мы не дошли. По дороге попалась степная гадюка, а нам для опыта всё едино, лишь бы змея была. Максим гадов боится, пришлось ловить и завязывать мне. Лучков сузил глаза:

– И не укусила?

– Нет, я же знаю, за что её хватать.

– Ну, ты брат даёшь!

В те годы хоть и редко, но ещё бывало, что эмоциональные выражения я понимал буквально, а потому удивился:

– Ничего себе! Так вы дядя милиционер мой брат? А как это? С виду вы старше моей матери.

– Да не брат я тебе, это присказка такая.

Подобного рода выяснения начинались каждый раз, как только звучало какое-нибудь иносказание. Стоило дежурному сказать Лучкову, что я валяю ваньку, как я тут же начинал доказывать, что никакого Ваньки нет, а потому валять я его не могу, да и незачем. Из-за этих отступлений допрос затянулся едва ли не на час. Я ещё долго рассказывал про охоту на сусликов, а также чем мы занимались у Максима дома, и что у него ели. Возпревший Лучков взмолился:

– Вечер скоро?

Любой неконкретный вопрос я толковал по-своему. Выглянув в окно, я сказал:

– Какой вечер? День-деньской, солнце в дуб. Гляньте сами.

– У тебя в рассказе вечер скоро?

– Нет ещё. Пошли мы в аптеку.

– Господи! В аптеку-то зачем?

– Готовиться к шутке. Шутка – дело серьёзное. К ней и подготовка нужна серьёзная.

– Так вы, значит, любите шутить?

– Не очень. Только когда вынуждают.

Лучкову показалось, что нужная тема близка, и он оживился:

– Так-так, дальше.

– Завернули к заготовителю, сдали шкурки сусличьи, деньги-то нужны. В аптеке купили валерьянки. Нашли подходящие жестянки и всё это припрятали.

Далее я рассказал про несостоявшийся волейбол и удар хворостиной, и о том, как после этих событий мы с ребятами играли в футбол на выгоне, затем продолжил:

– А когда смеркалось, то взяли спрятанное, и пошли к хате бабки Горпины.

– А почему к ней?

– Вреднющая она бабка. У неё кот научился яйца куриные разбивать и вылизывать. Засады на них в курятнике устраивает. Одно слово – лодырь. Яйцо ж не улетит, и в норку не спрячется. А бабка меня обвиняет, и всем рассказывает, что это я его научил. Глупость полная, я ведь и во двор к ней не заходил. Как-то раз шёл мимо, а этот кот на лавочке сидит. Я его только за ушами почесал, и всё, а она это увидела, и придумала небылицу. Теперь мимо двора ходить нельзя, орёт и норовит чем-нибудь стукнуть.

Кирин подал голос:

– Не прибедайся. Научить кота бить яйца куда легче, чем ворону деньги таскать.

– Может и легче, да мне-то, какая с этого польза? Вот мы с Максимом и подумали, что всё равно она ругается, так пусть хоть не зря. Прокрались к ней в палисадник, разлили несколько пузырьков валерьянки в жестянки и разбрызгали по травке. Спрятались в кустах через дорогу и стали ждать. Через некоторое время на запах собрались в палисаднике коты со всей округи, штук пятьдесят. Нализавшись валерьянки, они устроили жуткий концерт. Бабка вышла и хотела разогнать их палкой, но коты, в своей одурелости, не разбежались. На дикий шум сбежались соседи. Максим захохотал, чем выдал наше место. Бабка Горпина запустила глудкой, и, как всегда, досталось мне. Пришлось смываться.

Лучков подобрался и спросил:

– А скажи-ка Родион, над гражданкой Нищеврод вы тоже подшутили?

Это был сильный ход. С этой гражданкой у нас больше месяца шла война, и недавно мы устроили ей шутку, в чём я и признался:

– Что, пожаловалась? И как только догадалась, что это мы?

Дежурный снова отозвался:

– Таких как вы в природе мало, вычислить легко.

Лучков решил, что допрос подошёл к концу, облегчённо вздохнул, и устало сказал:

– Давай, рассказывай.

– Неделю назад мы ей в сортир дрожжей ухнули и размешали.

– И что?

– Ясно что. Сейчас жара, дрожжи заиграли будь здоров! Попёрло так, что деревянная будка перекосилась, а уж вонищи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.